

Алекс Рудин

Космическое
лето

Алекс Рудин
Космическое лето

«Автор»

2023

Рудин А.

Космическое лето / А. Рудин — «Автор», 2023

Далёкие потомки колонистов Местрии превратились в старательных фермеров. Планета им попалась неплохая - можно жить припеваючи (а иногда и выпиваючи). Но фермерский сын Ал не хочет всю жизнь убирать навоз за свиньями и подвязывать виноград. Он пытается изменить свою судьбу, и тут начинаются приключения. Да ещё и космический корабль прилетает, и всё идёт кувырком.

© Рудин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алекс Рудин

Космическое лето

Глава 1

Денёк выдался – заглядение! В сизо-фиолетовом небе таяли пушистые ночные облачка, похожие на коз дядки Томаша. Розовое солнце припекало так, что хоть из штанов выпрыгивай. На западном небосклоне еле заметно проступал зеленоватый полумесяц Идры – самого большого из трёх спутников Местрии.

Ленивая ящерица развалилась на верхней ступеньке крыльца. Растопырив лапы, она грела на солнышке жёлтое пузо. В неподвижном жарком воздухе неутомимо жужжали пчёлы, торопясь собрать нектар с отцветающих вороньих яблонь. Белобрюхие летучие мыши стремительно сновали над крышами посёлка, набивали ненасытную утробу мошкаррой. Над ними в лиловой вышине, чуть шевеля метровыми кожистыми крыльями, кружил ящерб.

Именно в этот чудесный летний день папаша снова решил подложить мне здоровенную свинью.

Сегодня начинались занятия в школе. Мама всё-таки убедила отца, что мне надо учиться. Не знаю, что помогло больше – уговоры, или тяжёлый утюг в маминой руке, но папаша согласился. Вчера вечером он пошёл к учителю Интену и вроде как договорился насчёт меня. Мама на радостях напекла кукурузных блинов и достала из шкафа мой праздничный костюм. Старший братишка Грегор завидовал и отпускал дурацкие шуточки. Он-то в школе вообще не учился.

Позапрошлой зимой я уже ходил в школу. Мама настояла. Как они тогда с отцом скандалили – жуть! До весны я выучился читать по слогам и считать до ста. Ещё рисовал палочки, да только они выходили кривые. Но мне всё равно нравилось.

А потом началась посевная. У папаши на третий день заломило спину. Он громко охал и ползал скрюченный, как те самые палочки, которые я выводил в тетрадке. Пришлось мне бросать учёбу и вместе с Грегором сеять и боронить поле.

Нынче с утра отец затеял перевозить навоз из свинарника в большую кучу за овином. Грегора он отослал в виноградник, а меня взял с собой. Работёнка та ещё – свиней на Местрии откармливают чистой кукурузой. Сало выходит отменное – белое, крепкое, с розовыми мясными прожилками. Но и дух от навоза крепкий. Прямо с ног валит. А уж мухи над кучей так и жужжат, и норовят залезть то в рот, то в глаза!

Папаша грузил навоз в тачку, а я отвозил его в кучу. В куче навоз перепревает, и им можно удобрять кукурузное поле. Такой вот нехитрый круговорот.

Тачку отец нагружал с верхом, так что я с трудом мог докатить её до места. Я упирался изо всех сил, босые ноги скользили в навозной жиже. Железное колесо тачки скрипело и застревало в раскисших опилках, которыми посыпали земляной пол свинарника. На ладонях вздулись мозоли от деревянных ручек. А папаша только покрикивал:

– Скорее, Ал! Пошевеливайся!

Доверху нагрузив последнюю тачку, папаша отнёс лопату в сарай, вымыл ноги в деревянном корыте с дождевой водой и пошёл в дом. Я опрокинул тачку в кучу, вытер пот со лба и тоже отправился умываться. Вода успела здорово нагреться на солнце, и в ней уже трепыхалась лапами кверху пёстрая муха.

Полоща ноги в корыте, я через открытое окно услышал, как мама говорит отцу:

– Не верю я, что Интен не согласился учить Ала! С чего бы вдруг? Я сама схожу к нему и поговорю. И почему ты вчера ничего не сказал?

Мама сильно рассердилась – это было слышно по её тону. Она никогда не кричит. Если сердится – говорит очень спокойно и каждое слово произносит чётко-чётко.

Тут заговорил отец. Голос его звучал угрожающе.

– Ани, ты снова хочешь выставить меня на посмешище? Забыла, что обещала мне? Если я говорю, что Интен не согласился – значит, так оно и есть. И проверять тут нечего. Да и не нужна Алу эта учёба. Его женить пора.

Ох, как же я разозлился! Прямо подпрыгнул в корыте и чуть не плюхнулся! Брызги полетели во все стороны. Понятно, почему папаша ничего не сказал вчера – тогда я ни за что не стал бы помогать ему с навозом. Папаша хитрый и упрямый, словно паук-пчелоед. И постоянно добивается своего.

Чего я никак не мог понять – почему отец не хочет, чтобы мама сходила к Интену? Какого чёрта он так настроен против моей учёбы? Ведь нет ничего плохого в грамотном фермере.

А может, он вовсе и не ходил к учителю? Папаша запросто мог соврать – с него станется! Чем больше я об этом думал – тем меньше сомневался в своей догадке.

Маму отец, наверное, убедит, но со мной его штуки не пройдут. Мне тоже не занимать упрямства. Я решил сам поговорить с Интенем и выяснить – почему это он не хочет меня учить?

Время у меня было. Хоть свиньи и горазды гадить, но мы всё-таки управились с навозом до полудня. Солнце ещё не дошло до высохшей макушки старого белого дербня, которую прошлым летом расщепило молнией. Уроки в школе начнутся часа через два, не раньше.

Только вот папаша скоро меня хватится. Если я не приду обедать, он поймёт, что я слышал их с мамой разговор, и догадается, куда я смылся.

Но не станет же он позориться перед соседями и ловить меня по всему посёлку? Скорее уж, подождёт, пока я сам не вернусь.

В животе тоскливо забурчало. Нет, домой я не пойду! Не хочу видеть довольную папашину рожу. Лучше перехвачу горсть-другую кореники в лесу по дороге к Интену.

Я подцепил кончиком лопаты немного свежего навоза и аккуратно стряхнул его на папашины башмаки, стоявшие возле двери. А потом осторожно проскользнул за калитку и рысью побежал к школе.

Пробегая мимо церкви, я некстати встретил пастора Свена. Пастор стоял, задрал голову, и глядел на церковный шпиль, который весной скособочило ураганом. Солнце припекало, и пастор то и дело вытирал лоб и шею большим синим платком.

Хочешь, не хочешь, а пришлось перейти на шаг и поздороваться. Пастор добродушно кивнул мне в ответ круглым полным лицом и собрался о чём-то спросить. Но я, буркнув извинения, прошмыгнул мимо. Не хватало ещё, чтобы пастор узнал о моих разногласиях с папашей! Тогда мне точно не отвертеться от проповеди о пользе и красоте простой деревенской жизни.

Всю эту муть я и так слышал от папаши каждый день.

Так-то пастор Свен – человек хороший. В посёлке его уважают. Когда я учился, он всегда приходил в школу по субботам. Хором повторял с нами заповеди синтропизма и угощал тёплыми булочками с изюмом. В такие дни полагалось надевать в школу праздничный костюм и ботинки.

Но сегодня Создатель не подарил мне подходящего настроения для бесед с пастором. А Создателю, само собой, сверху виднее.

Я рысью пробежал посёлок, миновал выпасы для коз и углубился в лес. Петляя между деревьями, потрусил к школе.

Крытый рыжей черепицей дом учителя стоял на отшибе. От других деревенских домов его отличало большое крыло, пристроенное к жилому зданию. В этом крыле располагалась школа.

На поляне возле школы уже собрались все ученики – целый выводок детворы и несколько ребят постарше. Самым рослым был рыжий и конопатый Стип Брэндон. Вот тебе и раз! Даже старик Брэндон понимает пользу учёбы. А ведь он – охотник, голытьба! Не то, что мой папаша.

Когда я вывалился из кустов на поляну, Стип резво обернулся, подпрыгнул от неожиданности и загоготал, показывая на меня пальцем. Остальные тоже засмеялись. Ясное дело – они-то все чистенькие, в новых рубашках и платицах. У девчонок на ногах туфельки, ребята – в ботинках.

А я примчался босиком. Штаны с обтрёпанными брючинами все в тёмных пятнах засохшего навоза. Рубаха на спине взопрела от пота, под мышкой – дыра. Да и пахло от меня – не приведи Создатель. Позорище!

– Смотрите – Ал-навозник явился! – завопил Брэндон. Это показалось ему удачной шуткой. Стип высунул язык чуть не до земли, вытаращил глаза и состроил дурацкую рожу. Все рассмеялись. Я хотел как следует врезать Стипу, но он вовремя отскочил и побежал вокруг поляны, не переставая кричать.

– Ал-навозник! Ал-навозник!

От стыда я покраснел так, что уши задымались. А детвора хохотала всё громче. Худой чернявый сынишка Маколеев с дальней фермы даже начал икать от смеха.

Тут из школы вышел Интен. В руках у него была высоченная стопка книг. Увидев меня, Интен попытался сдержать смех, но плечи его затряслись, руки заходили ходуном, и книги рухнули на траву. Ребяшня бросилась их собирать.

– Все проходите в класс, – сказал Интен, успокоившись. – А ты, Ал, пожалуйста, иди домой. Я не могу пустить тебя в школу в таком виде.

Весело гомоня, ученики убежали в класс, а я остался на поляне. Говорить с Интенем теперь не было никакого смысла. И так всё понятно. Вот тебе и учёба. А ведь ещё утром я так радовался, представляя, как пойду в школу.

Настроение у меня упало дальше некуда. Я бродил по поляне, пиная колючки от злости. Идти домой я не собирался – чего я там не видел?

Устав бездельничать, я подкрался к окну. Очень уж хотелось поглядеть, что делается внутри. Само собой, я выбрал окно в задней стене, чтобы все ученики сидели спиной ко мне. Только Интен мог увидеть меня, но я пригнулся, так что в окне торчала разве что макушка.

Ребята по двое сидели за деревянными партами. Перед каждым лежала рукописная книга. Такую же книгу Интен держал в руках. Все они что-то хором повторяли. Я прислушался.

– А – Адам, агроном, альй...

– Б – бабушка, болото, багор...

– В – верёвка, вихры, воротник...

Чем дольше я слушал – тем больше меня разбирала обида на весь свет. На папашу, который непонятно почему взъелся на учёбу. На маму, которая не смогла его переубедить. На Интена, в конце концов! Он ведь ни о чём меня не спросил, даже выслушать не захотел, а сразу начал смеяться.

Да что там говорить! Я злился на всю эту беспросветную жизнь, в которой только и было, что свиньи, виноградник, навоз да кукуруза! Вот так прогорбатишься до старости и помрёшь,

не увидев ничего, кроме поля и сарая. И похоронят тебя на поселковом кладбище. А с него, опять же, кроме полей и сараев ничего не видно!

Оба они жадины – что папаша, что Интен! Не смогли договориться, видите ли! Папаша, наверное, попытался сбить плату за учёбу, а учитель не уступил. Вот и вся история!

И тут в моей голове мелькнула идея. Я покатаю её в уме так и этак, рассматривая со всех сторон. Не скажу, что она была очень хороша. Но ничего другого я придумать не мог, как ни старался, а что-то делать было нужно. Иначе оставалось только вздохнуть и пойти домой, сдаваться на милость папаши.

Нет уж, такого подарка папаша не дожждётся. Я и раньше-то не был покладистым сыном, но сегодня он допёк меня не на шутку. Пусть потом сколько угодно жалуется за бутылкой дядьке Томашу на распустившуюся молодежь.

Думай, Ал, думай! Скоро будет перемена. Надо провернуть всё без запинки. Если не получится – другой возможности у меня точно не будет. Я отошёл от окна, присел на скамейку и неторопливо перебрал несколько вариантов, оглядываясь по сторонам. Ага, вот оно!

В углу поляны, возле самых кустов стоял школьный туалет. Шесть одинаковых дощатых кабинок под общей крышей. Я зашёл в одну из кабинок, огляделся. Через щели между досками было хорошо видно здание школы, а кусты за кабинками никто не разглядит.

Я тихонько прикрыл дверь кабинки и обошёл туалет сзади. Нет, здесь меня заметят со скамеек возле крыльца. Можно залечь в зарослях широколиста поодаль, но оттуда плохо видно двери кабинок. А вот этот куст орешника отлично подойдёт. Орехов ещё нет и в помине, куст только-только отцвёл невзрачными мелкими цветами. Значит, специально сюда никто не пойдёт. Только бы детвора не затеяла играть в прятки на перемене!

Не успел я устроиться в зарослях, как дверь школы распахнулась. Ребяшня высыпала на крыльцо и разбежалась по поляне.

Вот почему дети на Местрии любят школу. Только здесь и можно вдоволь поболтать и поиграть с другими ребятами. Дома постоянные хлопоты по хозяйству с самого раннего детства. Хорошо тем, у кого есть братишки и сестрёнки. А если нет – только в школе и отведёшь душу.

Ученики веселились вовсю. Девчонки прыгали через скакалку и менялись домодельными куклами. Ребята, видно, притащили с собой тряпичный мяч и гоняли его по поляне. Вот раздался визг и возмущённые крики – мяч угодил в девчонку, выбив куклу у неё из рук. Некоторые, присев на скамейку, жевали принесённую из дома еду.

Затаив дыхание, я лежал в орешнике и ждал. А что ещё мне оставалось?

Перемена подошла к концу. Ученики потянулись в класс. Только тряпичный мяч валялся посреди поляны, да сидела на скамейке оставленная хозяйкой кукла.

Ну, всё! Ничего не вышло! Зря только полчаса провалялся на земле. Да что же за несчастье сегодня на мою голову?

Вдруг Стип Брэндон что-то сказал приятелю, развернулся и бегом направился к сортиру. Я следил за ним во все глаза. Добежав до будки, Стип швырнул на траву сумку с тетрадками и торопливо хлопнул дверью. Я услышал, как он накидывает крючок на проушину. Потом раздалось журчание.

Я выскочил из кустов и метнулся к сумке. Моментально вытряхнул на землю её содержимое. Чернила пролились на траву, и попали на тетрадку. Этот раззява плохо закрутил пузырёк! Но главное – книга была здесь! Я схватил её и со всех ног рванул в лес!

Я сидел на крошечной поляне под старым рожковым деревом и, водя пальцем по странице, читал книгу. Моя спина опиралась на мощный узловатый ствол. Над головой, заслоня небо, шелестела раскидистая крона. В ажурной листве, непрерывно щебеча, перепархивала стайка краснокрылых чивиков. Эти небольшие птички питаются плодами рожкового дерева. Но плоды ещё не созрели, поэтому в щебете чивиков явственно различались печальные нотки.

Длинные ветки дерева были густо увешаны зелёными изогнутыми рожками, величиной с мизинец. Ближе к осени рожки темнеют, становятся светло-коричневыми и высыхают. Тогда самое время собирать их, если, конечно, успеешь опередить птиц.

Говорят, именно рожковые деревья спасли первых колонистов от голода. Пока кукурузные поля не дали настоящий урожай, колонисты питались хлебом, который пекли из рожковой муки. Её и сейчас подмешивают к кукурузной, чтобы хлеб дольше не черствел, а из целых рожков варят очень вкусный суп.

Дереву, под которым я сидел, было не меньше двухсот лет. Наверное, оно застало первых поселенцев. Интересно – может быть, именно с него они и собирали рожки, чтобы испечь себе хлеб?

Морща лоб и шевеля губами от напряжения, я читал рассказ о высадке на Местрию. Он попался мне в самом конце книги и был довольно большой – целых три страницы. Но жизнь на ферме закалила меня, и я не боялся трудностей. Прочитать три страницы всяко не тяжелее, чем переколоть телегу дров.

Оказывается, прежде чем попасть на Местрию, колонисты летели в космосе целых пятьдесят лет. Чтобы они не померли от старости и скуки, их всех заморозили в специальных холодильниках, примерно так, как папаша морозит свиные туши в леднике. Лично я вряд ли согласился бы на такое издевательство. По всему видать, колонисты улетели в космос не от хорошей жизни.

Кто управлял в это время кораблём, рассказ не сообщал. Но я живо вообразил себе одинокого космонавта с седой бородой до колен, который сидит возле иллюминатора и с тоской глядит на пролетающие мимо звёзды.

Звездолёт напоминал гроздь виноградин – множество одинаковых капсул на общем каркасе. Когда корабль добрался до Местрии, люди проснулись, капсулы отделились от каркаса и приземлились. Каркас со временем тоже упал и утонул в океане.

Грешно говорить, но меня совершенно не мучила совесть за украденную книгу. Интен, конечно, обругает Стипа, ну и поделом ему! А нечего было надо мной смеяться! Теперь-то всё про справедливости. Главное – хорошенько припрятать книжку, чтобы она не попала на глаза папаше. Но на этот случай у меня был хороший план. Мало ли укромных местечек на большой зажиточной ферме?

Когда начало темнеть, и буквы уже расплывались в глазах, я с сожалением захлопнул книгу. Побрёл по знакомой тропинке, вышел из леса и пересёк выпасы. Посёлок давно спал. На Местрии ложатся рано, а встают с рассветом и сразу принимаются за работу. К дому я подошёл глубокой ночью, неслышно прошмыгнул в калитку и пробрался на сеновал.

Летом я часто ночевал здесь – подальше от духоты и папашиного ворчания. Ещё раз погладил книгу по корешку и закопал поглубже в душистое сухое сено. Здесь папаша точно её не найдёт!

Осторожно вышел на улицу, и на меня обрушилось фантастическое местрианское небо.

Десятки тысяч звёзд торжественно сияли в угольной черноте. Некоторые из них теснились друг к другу, как будто боялись пустоты чёрного неба. Другие пылали в гордом одиночестве.

Я привычно отыскал знакомые созвездия. В зените висел Мышехвост – один его глаз горел голубым светом, а другой светил тускло-оранжевым.

Вот Небесные Сёстры – скопление сверкающих пушистых шаров. Если приглядеться получше – между ними можно увидеть маленькие звёздочки.

На востоке небо чуть отливало желтизной. Это всходил из-за горизонта второй спутник Местрии – Хирон. Ближе к утру его сменит Идра.

Немного левее созвездия Плуга я увидел незнакомую звёздочку. Еле заметная, она необычно мерцала. До боли напрягая глаза, я всмотрелся внимательнее.

Звёздочка вспыхнула ярко-красным светом. Затем угасла и вспыхнула снова – на этот раз зелёным. Снова красным. И снова зелёным. Это было чертовски странно. Я никогда раньше не видел зелёных звёзд.

Глава 2

Отца при рождении назвали Юлием. Он утверждает, что имя ему дали в честь какого-то древнего земного императора, которого убили заговорщики. Я папаше верю – мне тоже иногда хочется его прибить.

Рано утром он вручил мне большущую корзину и отправил в виноградник собирать улиток.

– К обеду корзина должна быть полной, Ал! – строго сказал отец. И добавил, что обязательно проверит.

Папаша – фермер до мозга костей. Нудный, въедливый и работающий. Он часто повторяет, что у человека должна быть цель в жизни. Вырастить хорошую кукурузу, построить новый свинарник на семейной ферме, выгодно продавать домашнее вино. В крайнем случае, освоить полезное ремесло – стать лесорубом или сборщиком свиного навоза.

Я не стал спорить. Пользы от этого всё равно не будет, так зачем тратить время зря? Стоило ему отвернуться, как я сунул на дно корзины книгу, которую спёр у Стипа Брэндона, и спокойно отправился в виноградник.

Улитки в этом году расплодились невероятно. На каждом виноградном кусте сидели не меньше пяти моллюсков размером с половину детского кулака. Они тарасили чёрные бусинки глаз на рожках и старательно выгрызали в листьях ажурные дырочки с быстро желтеющими краями.

Если дожди не прекратятся, в этом году мы останемся без вина и изюма. Конечно, кукурузе обильные дожди полезны. Но для местрианского винограда они – сушая погибель.

Я тяжело вздохнул и принялся за работу. Наклонившись, я приподнимал обвисшие к земле широкие листья, аккуратно снимал с них улиток и бросал в корзину.

Я прошёл только два ряда из конца в конец, а корзина уже заполнилась на треть. В одном месте я увидел повреждённую подпорку. Стойка прогнила у самой земли и обломилась, а перекладина всей тяжестью повисла на виноградной лозе. Пришлось искать подходящий колышек и ремонтировать.

Через пару часов от непрерывных наклонов у меня заломило в пояснице. Иногда я приседал на корточки, но тогда быстро затекали ноги и начинали болеть колени. В животе бурчало от голода. Солнце поднялось высоко и припекало не на шутку.

Вот тоже – Солнце! Неужели нельзя было назвать звезду своей новой планеты как-нибудь по-другому? Жаровня, например. Или Адская Топка. Никакой фантазии нет у наших фермеров.

Всё, хватит с меня! Корзинка почти полна, а пот уже льёт по спине ручьями. Опять рубаха будет вонять.

В самом деле, не сожрут же улитки весь виноград. А если сожрут – тем лучше. Меньше вина достанется папаше. Он когда выпьет – ещё сильнее нудит. Лучше бы песни пел, как дядька Томаш.

Ясное дело, возвращаться домой к обеду я не собирался. Зачем вышагивать три километра по пыльной дороге, если можно развести костёр и напечь улиток с молодой кукурузой? Зря, что ли, я их всё утро собирал?

Неподалёку от виноградника текла в лесу небольшая речушка. Там у меня было укромное место. Колючие заросли чапыжника скрывали зелёную лужайку на берегу тихой тёмной

заводи, в которой хорошо купаться. В этом местечке я прятался от папаши, когда мне хотелось спокойно подумать.

Я подхватил тяжёлую корзину и решительно направился к реке. Но не успел пройти и двадцати шагов, как наткнулся на дядьку Томаша. Верно говорят: кого вспомнишь, того и встретишь. Хотя, встречей это назвать было нельзя.

Сладко похрапывая, дядька Томаш спал в тени виноградных кустов. Рядом стояла корзина, на дне которой вяло копошились несколько улиток. А поодаль валялась пустая бутылка.

Дядька Томаш стал сильно выпивать четыре года назад, после того, как плугом ему раздробило ногу. Доктор Ханс пытался её спасти, да что толку? Раздробленная ступня посинела и раздулась, ногу пришлось отрезать по самое колено. С тех пор дядька Томаш ковылял на деревянной ноге и выпивал всё больше и больше.

Я присел на корточки и потряс его за плечо.

– Дядька Томаш! Проснитесь! Тётя Джуди будет ругаться.

Пьянчуга только почмокал губами и перевернулся на другой бок. Если он и впрямь выдул целую бутылку, то теперь его не добудишься.

Однажды дядька Томаш заснул в церкви прямо во время службы. Так пастор и говорил целый час под его храп. Думаете, проповедь была о вреде пьянства? А вот и нет. Пастор говорил о сострадании и любви к ближнему.

Я поднял бутылку и понюхал горлышко. Пахло не вином, а настойкой, наподобие той, которую делает папаша. А может, папашина настойка и есть. По бутылке разве поймешь? Они все одинаковые – в посёлке только один стеклодув.

Я снова потряс дядьку Томаша. Он открыл мутный глаз, посмотрел на меня и важно сказал:

– Ангелов посылает Создатель грешникам, дабы помочь им, обуздать и вразумить их!
Затем закрыл глаз и снова захрапел, присвистывая.

Ангелом я себя не считал, но и просто так бросить дядьку Томаша не мог. Жалко его – он хороший человек, только жизнь круто с ним обошлась. Да и тётя Джуди добрая. Одно время она часто приходила к нам – плакала и жаловалась маме на мужа. А самому Томашу ничего не говорила, только поддерживала его и хвалила.

Если сегодня он вернётся домой с пустой корзиной, тётя Джуди опять расстроится. Она, бедняжка, всё верит, что муж образумится. Ферма у них крепкая – если бы дядька Томаш не пил, они могли бы нанять работника, а то и двух.

Вот ведь незадача на мою голову. А я так надеялся поваляться лишний часок с книжкой!
Я вздохнул и принялся наполнять корзину дядьки Томаша улитками.

Часом позже, проходя через кукурузное поле, я сорвал пару початков, покрупнее. Ещё содрал пучок сухого лишайника с коры старого кривого дербня, росшего у дороги.

Осторожно пробрался через чапыжник и вышел на лужайку. С облегчением плюхнулся на траву тяжёлую корзину с улитками и первым делом принялся разводить костёр.

Река часто приносила ветки и брёвна, которые задерживались в заводи. Я вытаскивал их на берег и сушил под солнцем. Так что запас дров у меня был всегда. Я притащил парочку сухих коряг, уложил их рядом на траве. Засунул между корягами пучок лишайника, наломал мелких веточек и достал из кармана кремь и огниво.

Ударом огнива высек из кремня сноп искр, стараясь, чтобы они попали на лишайник. С третьего раза получилось отлично. Я наклонился и осторожно раздул крохотный огонёк.

Теперь можно искупаться. Течение в заводи замедлялось, словно торопливый поток воды отдыхал, набирался сил перед следующим перекатом. Сухие листья, ветки и куски коры неторопливо скользили по поверхности и исчезали за поворотом.

Я скинул штаны и рубаху и с разбегу прыгнул в воду. Тёплая на поверхности, в глубине она была холодной, как лёд. У меня даже дыхание перехватило. Я вынырнул и, быстро молотя по воде руками, поплыл к противоположному берегу. Там развернулся и уже спокойно погрёб обратно к своей лужайке.

Наплескавшись, я вылез на берег и побежал греться у костра. Подкинул сухих веток в огонь и стал прыгать на одной ноге, чтобы вытряхнуть воду из ушей. В позапрошлом году плохо вытряхнул. Ухо потом болело так, что голова чуть не лопнула. А когда нарыв прорвало – из уха три дня тёк белёсый гной. Мать сильно переживала, промывала ухо травяным отваром.

Затем высыпал в костёр пригоршню улиток, покрупнее. Палочкой закопал их в угли. Кукурузные початки намочил в реке и положил поверх углей – пусть пекутся.

Мама рассказывала, что на Земле улиток едят специальной вилкой. Но у нас на Местрии всё гораздо проще. Палкой выковыриваешь закопчённые раковины из углей. Кладёшь улитку на плоский камень, другим камнем слегка стучаешь сверху. Готово, панцирь расколот.

Теперь бери в руку упругий мускулистый комочек, очищай от остатков раковины. Отрывай тёмную жопку, а остальное, обмакнув для вкуса в золу, смело пихай в рот. Вкусотища! Двумя десятками можно наесться досыта, а если ещё закусить их горячим кукурузным початком, осторожно ободрав с него горелые листья... Да запить свежей речной водой!

Улиток можно есть, сколько угодно. Никогда от них не бывает ни расстройства желудка, ни заворота кишок. И сытость долго чувствуется.

Вот только одна незадача. От них у мужчин... как бы это сказать? В общем, излишне напрягается там, где должно иногда напрягаться. А у молодого балбеса – так вообще беда. Доктор Ханс говорит, что улитки – сильный афродизиак. А ещё я слышал, что замужним женщинам такое свойство моллюсков очень нравится. Наверное, поэтому тушёных улиток у нас частенько готовят на ужин.

От каждой твари должна быть польза, как говорит пастор Свен. Ну, и правильно! Не только им виноград жрать.

Верное средство от эффекта – холодная вода. Так что, поев, я ещё раз быстренько окунулся. Потом натянул одежду и завалился с книжкой в траву.

На этот раз мне попала история Орбана, которого прозвали Непутёвым.

После высадки среди поселенцев долго ходили слухи, что часть капсул с людьми приземлилась на Северном материке. Естественно, с тех пор от них не было ни слуху, ни духу.

Вот Орбан решил узнать, что случилось с этими людьми. Он был сыном фермера, как и я. Подозреваю, что ему просто-напросто надоело убирать навоз и ходить за козами. Так что он был готов сбежать, куда угодно, хоть на Северный материк.

Для начала он удрал с фермы в прибрежный посёлок и прибил к рыбакам. Три года выходил с ними в море, изучал парусное дело, ветры и течения. Его ладони вздувались от мозолей, одежда пропахла солью и рыбой. При ходьбе он привык широко расставлять ноги, словно всё время ловил качающуюся палубу.

А потом Орбан собрал команду из таких же отчаянных парней и принялся строить большое судно. Оно было в три раза длиннее обычных рыбацких лодок и с двумя мачтами. Жители посёлка и опытные рыбаки только качали головами.

Дождавшись тихой погоды, Орбан погрузил на судно запасы еды и воды, отчалил от берега и направился на север. Больше его никто никогда не видел.

За чтением я и не заметил, как задремал. Меня разбудили мальчишеские голоса, доносящиеся из зарослей чапыжника.

– Я тебе говорил – дымом пахнет.

– Здесь точно кто-то есть.

Кусты затрещали, и на лужайку вывалились исцарапанные братья Брендоны. На этот раз они были в полном составе – втроем. К своим годам чёртовы дуболомы так и не научились пробираться через кустарник бесшумно. Даром, что сыновья охотника.

Застигни они меня врасплох – мне бы не поздоровилось. Но я успел вскочить, прижимая к груди книгу.

– Кто это тут у нас? – протянул старший Брендон с дурацким именем Илия.

– Это Ал, – готовно отозвался младший, которого все звали просто Рыжим.

– Вот ты и попался, говнюк, – удовлетворённо заключил Стип, вытирая грязной ладонью конопатый нос.

Я не стал дожидаться нападения. Шагнул вперёд и хорошенько врезал ближайшему Брендону по сопатке. На своё несчастье, это опять оказался Стип. Кровища брызнула во все стороны, а Стип завыл и схватился за лицо.

Увернувшись от кулака Илии, я изо всех сил толкнул его в грудь. Илия взмахнул руками, споткнулся о корягу и упал спиной прямо в костёр. Начало драки складывалось в мою пользу.

Я без оглядки рванул было к дороге, но тут в дело вступил Рыжий. Он кинулся мне под ноги. Я споткнулся об него и рухнул прямо в чапыжник, выронив книжку. Рыжий ухватил меня за ногу и заверещал от восторга.

Я принялся отчаянно лягаться другой ногой и попал ему по уху. Рыжий пискнул и отцепился от меня. Это был подходящий момент для бегства, но не бросать же книгу. Я потянулся, чтобы поднять её, и в это время на меня накинулся Стип.

Он с разбега прыгнул мне на спину. Я извернулся, и мы покатались под откос к реке. Видимо, Стип обо что-то хорошенько приложился, потому что он резко выдохнул и ослабил хватку. Я быстро вскочил на ноги, но бежать было поздно.

Прорваться к дороге я не мог. Брендоны обступили меня полукругом, прижимая к воде. Стип размазывал по конопатой физиономии кровь. Штаны и рубаха Илии дымились. Красное ухо Рыжего оттопыривалось в сторону. Я понял, что сейчас меня будут убивать.

Оставался единственный шанс, но нужно было выиграть хоть секунду форы. Я сделал шаг назад, подцепил босой ступнёй мокрый песок и резко взмахнул ногой. Брендоны инстинктивно отшатнулись.

Я развернулся и прямо в одежде забежал в реку. Сделал три шага, плюхнулся на живот и поплыл, держа книгу над головой.

Грести одной рукой было жутко неудобно. Но намочить книгу я не мог.

Брендоны замешкались на берегу. Стип сперва скинул одежду, но быстро сообразил, что в одиночку не справится. Да и гоняться за мной по кустам без штанов ему не улыбалось.

Я уже торжествовал победу. Вдруг что-то больно ударило меня по руке, так что я чуть не выронил книгу. В воду плюхнулась палка, а на берегу раздались радостные крики.

Эти уроды швыряли в меня моими собственными дровами! Но возмущаться я не мог – все силы уходили на то, чтобы отплыть подальше.

Ещё одна палка шлёпнулась рядом с моим лицом, подняв тучу брызг. Я мотнул головой, стараясь грести как можно быстрее. Берег был уже близко – там они меня не достанут.

Я всё-таки доплыл до берега и уцепился за свисающий над водой куст. Течение развернуло меня лицом к Брендонам. Я насмешливо помахал им немеющей рукой.

Ох, как они взбесились! Стип изо всех сил пнул корзину с улитками и, конечно, ушиб босую ногу. Ну, не придурок? Старший, который Илия, орал какую-то чушь, а Рыжий скакал по берегу и корчил такие рожи, словно его пробрал понос.

Не обращая на них внимания, я вылез из воды и вскарабкался на обрыв. Рука болела, но терпимо. Раздеваться и выжимать одежду я всё же не стал. Сама высохнет.

Слава Создателю, книга цела. Я не потерял её в драке и не испортил, переплывая реку.

Книги на Местрии – огромная редкость. Здесь никто не умеет их печатать, в ходу только рукописные копии. Представляете, сколько нужно времени, чтобы переписать книгу? И как здорово влетело Стипу от Интена?

Солнце опускалось к горизонту. Я проспал часа три, не меньше. И немудрено – накануне я полночи разглядывал звёздное небо.

Рука посинела. Запястье распухло так, что рукав врезался в кожу. Делать нечего, придётся идти домой.

Не успел я пройти половину дороги, как начался ливень.

Внезапный порыв ветра прижал к земле заросли кукурузы. Первые тяжелые капли защёлкали по жёстким кожистым листьям. А затем с неба обрушились потоки воды.

Я стащил с себя рубаху и как можно плотнее завернул в неё книгу. Дождь заливал глаза. Темнота стала такой плотной, что её можно было пощупать. Я плёлся вслепую, нашаривая окоченевшими босыми ступнями мокрую дорогу.

Вдруг ослепительная вспышка расколола небо надвое. Змеистая молния ударила в кривое дерево, одиноко стоявшее посреди поля. В её свете я увидел клубящиеся мутные тучи и покосившееся пугало.

Загрохотал гром, да так сильно, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Оглохнув, я застыл посреди дороги и видел, как искалеченный ствол неохотно занялся дымным красным огнём.

Пламя бросало на дорогу неровные отсветы. Струи дождя нещадно колотили по спине. В лужах мгновенно набухали и лопались гигантские пузыри. Молнии лупили без перерыва, а громыхание в небесах слилось в сплошной нескончаемый рёв.

Прошла вечность, и дождь постепенно утих. Он уже не хлестал холодными злыми щупальцами, а сыпал мягко и монотонно. Гроза ушла и теперь громыхала где-то далеко за горизонтом. Там освещали небо бледные всполохи, а ворчание грома доносилось еле слышно.

Кое-как доташившись до дома, я толкнул мокрую калитку. Она противно заскрипела. Я собирался её смазать сегодня, да не успел.

В столовой горел тусклый свет, остальные окна были тёмными. «Наверное, мама ещё не легла» – подумал я. – «Как всегда, штопает бельё и ждёт меня».

Стуча зубами от холода, я осторожно пролез в дом. Главное – не попасться на глаза папаше. Эх, шмыгнуть бы сейчас на сеновал, да затаиться там до утра! Но на мне сухой нитки не было, а спать в мокрой одежде – последнее дело.

Может, удастся спереть кусок мешковины, чтобы завернуться? В кладовой лежал отрез, из которого мать шила мешки для кукурузы. Надо найти его, иначе точно замёрзну.

Дверь, ведущая в кухню, открылась. Я замер в темноте, стараясь не дышать. На пороге стоял папаша.

– Ал, это ты? – спросил он. – Пойдём в дом, переоденешься.

Глава 3

Утром я с мрачным видом стоял возле овина, придерживая высокую лестницу здоровой правой рукой. Левая была накрепко забинтована. Чёртовы Брэндоны умудрились сломать мне запястье. Так сказал доктор Ханс.

Когда вечером, вымокнув до нитки, я вернулся домой, папаша принялся было привычно нудить. Но мама разглядела моё исцарапанное лицо, синяки под глазами и распухшую руку. Не прошло и пяти минут, как отец вприпрыжку бежал за доктором. Он, конечно, глава семьи и всё такое, но иногда маму лучше не злить.

Через полчаса отец вернулся и привёл заспанного врача. Доктор Ханс осмотрел мою руку, наложил на запястье тугую повязку и велел показаться ему через два дня. Затем выпил рюмку папашиней настойки и растворился в мокрой темноте.

Папаша тоже выпил рюмку настойки и собрался идти спать. Но тут явилось семейство Брэндонов в полном составе. Они вымокли, как мышехвосты в голом поле, и сразу стали скандалить и требовать книгу. Стип нарочито шмыгал распухшим носом, а Илия показывал ожоги на спине.

Отец схватился было за ремень, но его остановила мама. Она сказала, что негоже наказывать сына, не выслушав его. Вот тут-то я и выступил!

Я твердил, что не хотел ничего плохого. Мол, все учатся. И я тоже хочу учиться. И вообще, отец сам виноват, что не смог договориться насчёт меня с Интеном. А книгу я обязательно верну. Вот только отыщу её в поле и верну!

Я старался говорить, как можно жалобнее и всё время держал на виду покалеченную руку.

Папаша плюнул и сказал, что непременно выдерет меня, если я ещё раз попробую вытворить что-нибудь подобное. А потом махнул рукой и снова достал бутылку. Налил отцу Брэндонов, ну и себе заодно.

Брэндон сразу повеселел и успокоился. Даже потрепал меня по голове и подивился – как это я не испугался его «троих оболтусов»? Явно напрашивался ещё на рюмочку.

Конечно, папаша не мог ему отказать. А наутро затеял чинить протекающую крышу овина и взял меня в помощники. Грегора он с утра пораньше отправил вместо меня на виноградник собирать улиток.

И вот я стою возле овина, придерживая лестницу, слушаю стук молотка и ругань папаши и думаю, как бы мне сбежать.

Я решил попробовать. Задрал голову и заныл, как можно жалобнее:

– Па, ты там долго ещё? Мне же надо идти искать книгу!

Стук внезапно прекратился. Послышались проклятия, и что-то тяжёлое загрохотало по крыше. Я едва успел отскочить в сторону.

Сверху упал молоток. Шмякнувшись на землю, он подпрыгнул и отлетел в куст садовой беленики. Затем с крыши свесилось перекошенное и покрасневшее от натуги лицо папаши.

– Вчера не набегался? Никуда ты не пойдёшь, даже не мечтай! А книгу твою я сам найду и сожгу, как только закончу с крышей! Подай молоток и принеси ещё гвоздей!

Конечно, я разозлился. Нет, вы слышали – книгу он сожжёт! Ты сначала попробуй, найди её.

Я пошарил в кустах, отыскал молоток и попытался влезть с ним на лестницу. Получалось плохо – я же не акробат. Взять молоток в забинтованную руку я не мог, держаться ей за ступеньки – тоже.

Под недовольное шипение отца я пошёл в сарай за верёвкой. Один конец верёвки, примерившись, закинул на крышу. К другому концу кое-как привязал молоток. Папаша, чертыхаясь, втащил его наверх.

Не только отец был виноват в моём плохом настроении. Ночной ливень безнадежно испортил книгу. Даром я заворачивал её в рубаху – она всё равно намочла. Теперь слипшиеся страницы топорщились в разные стороны и покрылись жёлтыми пятнами. Хорошо, что книга была сшита, а не склеена – иначе она точно развалилась бы.

Сушить книгу у печки я побоялся. Не приведи Создатель, попадётся отцу под горячую руку. Швырнёт в огонь, не задумываясь. Поэтому я спрятал книгу под своей кроватью, надеясь, что до вечера она высохнет.

Так или иначе, а надо снова идти в школу. Пусть хоть весь мир перевернётся вверх тормашками, но я добуду новую книгу!

– Ал, ты оглох, что ли? Где гвозди?

Судя по громкости, папаша орал не в первый раз. Хотя кто его разберёт, с его-то характером.

– Сейчас принесу!

Я тяжело вздохнул и пошёл в сарай за гвоздями.

Гвозди лежали в круглой жестяной банке. Обвязать банку я не мог, как ни старался – верёвка всё время соскальзывала с гладких боков. Бился, пока не сообразил взять в сарае ведро и пересыпать гвозди в него. А когда отец стал поднимать ведро наверх, оно зацепилось за край крыши, и все гвозди высыпались. Пришлось собирать их и всё начинать сначала.

– Ал! Притащи ещё досок из столярки! И пошевеливайся, что ты еле ползаешь! Я не собираюсь до вечера сидеть на чёртовой крыше!

Доски были длинные и тяжёлые. Они волочились по земле и норовили рассыпаться. Я попытался прижать их сильнее и больно прищемил кожу. Да что же за день сегодня такой? Рука ноет, книга испорчена. И папаша сверху орёт, словно голодная ворона.

– Ал! Принеси воды, да поживее! В горле пересохло.

И тут у меня в голове мелькнула счастливая мысль. Я отцепился от лестницы и поковылял в дом.

Мама возилась у печи – стряпала обед. Я налил в большую кружку колодезной воды из питьевого ведра.

– Ма, – просительно сказал я.

– Чего тебе? – ласково спросила она.

– У нас пирожков не осталось?

– Проголодался? – засмеялась она. – Погоди, сейчас. А может, супу поешь?

Я помотал головой.

– Это не мне. Отец просил принести.

Мама сурово поджала губы.

– Скажи ему, что скоро обед будет. Нечего аппетит перебивать.

– Ма, он говорит, что не слезет, пока крышу не доделает. И ругается. Дай пирожка, пожалуйста!

Мать покачала головой, но сунула мне в руку два пирожка с мясом.

– Держи, отнеси ему!

Я быстренько забежал в сарай. Там, в дальнем углу за старым бочонком папаша прятал заначку – несколько бутылок своей секретной настойки. Я нашарил одну. Поставил её в ведро, рядом пристроил кружку с водой и положил пирожки. Привязал ведро к верёвке и подёргал.

– Па, тут мама тебе пирожков передала, и кое-что ещё! Тяни, только осторожно, а то прольётся!

Отец вытянул ведро наверх, удивлённо хмыкнул, но промолчал. Для верности я выждал минут десять, а потом тихонько опустил лестницу и уложил её в траву вдоль задней стены овина.

Сделав несколько шагов в сторону, я прислушался. Со стороны овина не доносилось ни единого звука. Понятное дело, скоро папаша догадается, что я сбежал. Но он же не дурак, чтобы подымать шум, пока бутылка не кончилась. Молоток с гвоздями у него есть, выпивка тоже. Так что он может и работу закончить, и отдохнуть в своё удовольствие.

А вот на глаза ему лучше всё-таки не попадаться. Калитку, которая выходит на улицу, я смазать так и не успел. Её скрип папаша точно услышит и молча не усидит.

Я обогнул дом кругом, пробрался через сад и перелез ограду в дальнем конце огорода. Неприметной тропинкой спустился к речке и собирался по бревенчатому мостику перебраться на другой берег.

Потом пройду дальними полями, чтобы незаметно обойти наш виноградник. Ведь там Грегор, который сейчас мужественно делает за меня мою работу. Он, конечно, очень обрадуется нашей встрече и непременно попытается меня припахать.

План был просто замечательный, вот только он не удался. Возле мостика я встретил Лину.

Лина – это моя невеста. Нас сосватали родители, лет десять тому назад. У нас такие свадьбы в порядке вещей.

Дело в том, что после папаши нашей фермой будет заправлять мой старший брат Грегор. Мне же, как младшему сыну, не достанется ни фига. На Местрии не делят фермы – невыгодно обрабатывать маленькие поля.

Выбор у младших сыновей небогатый. Можно пойти в ученики к стеклодуву, кузнецу или меховщику. Лет пять поработаешь подмастерьем за кусок лепёшки и подзатыльники. Потом сдашь экзамен цеховым старостам, у которых навалом своих сыновей. Им совсем не нужны молодые конкуренты. И вот если сумеешь им понравиться – открывай мастерскую и гадай, будут ли у тебя заказы.

Второй вариант, куда практичнее – найти фермера, которого Создатель обделил сыновьями, и жениться на его дочке. Конечно, тогда ты будешь батрачить на него, пока он не помрёт от старости. Зато потом станешь его полноправным наследником.

Вот родители и сосватали мне Лину Сондерс. У неё нет братьев – только старшая сестра Норма. Кстати, она невеста Грегора. Две семьи – две свадьбы, так вот у нас получается.

Не то, чтобы Лина мне не нравилась. Она симпатичная, правда, старше меня на год. У Лины правильные черты лица, светлые прямые волосы и выразительные серые глаза. А грудь так и выпирает под тонким платьем.

Я слышал, что Илия Брэндон тоже к ней сватался. Но Петер и Ирга – родители Лины – отказали наотрез. Так-то правильно – для чего им в семье конопатый голодранец? Брэндоны никогда не работали на земле, только зверьё по лесам ловили. Не успеешь оглянуться, как превратят ферму в зоопарк.

Хотя, согласись Лина выйти за Брэндона, я бы только обрадовался. Мне-то жена совсем не нужна, раз я собрался учиться. Только отвлекать будет на всякие глупости.

Лина стояла прямо на тёсаных брёвнах моста и задумчиво глядела, как течение реки медленно колышет водоросли. Я и сам любил наблюдать за ними. Тонкие зелёные пряди удивительно напоминали волосы русалки.

Обойти Лину не было никакой возможности. Я бросил тоскливый взгляд через плечо, но отступать тоже было поздно. Лина увидела меня, и на её лице появилось укоризненное выражение.

– Привет, Ал, – сказала Лина, – опять бездельничаешь?

Она покачала головой, совсем как моя матушка, когда папаша приходит пьяным от дядьки Томаша. Ну, так мама с отцом женаты много лет. А Лина что себе позволяет?

– Тебе какое дело? – грубо спросил я. – Ты мне пока ещё не жена.

Здороваться с Линой я не стал – ещё возомнит о себе неизвестно что. Интересно, что она вообще тут делала? Меня караулила, что ли? С неё станется!

– Так уже скоро! – возразила Лина.

Она произнесла это с такой нежностью, что меня передёрнуло.

– Вот когда поженимся, тогда и поговорим, – отбрил я. – А сейчас мне надо идти. Пока, Лина!

– Конечно, Ал, – легко согласилась она. – А можно я пойду с тобой?

– Это ещё зачем? – подозрительно спросил я. – У меня свои дела. И вообще, откуда ты здесь взялась?

Лина заливисто расхохоталась.

– Я прибежала к вам утром, соли одолжить. Твоя мама сказала, что вы с отцом собрались чинить овин. Ну, я и догадалась, что ты непременно сбежишь.

Ничего себе – Лина догадалась! Когда она успела так поумнеть? Или это женское чутьё? И почему «непреренно»? Звучит, как будто я лодырь. Папаша, между прочим, сам виноват – я пытался у него отпроситься.

Я сделал шаг в сторону, пытаюсь обойти Лину. Она пропустила меня и пошла следом. Это никуда не годится!

– Не ходи за мной! – недовольно сказал я.

– Почему? – удивилась Лина. – Я давно тебя не видела, соскучилась. Может, ты согласишься со мной погулять?

Я понял, что Лина дразнит меня нарочно. Можно, конечно, убежать, да что толку? Если она привязалась – так уже не отцепится.

Я повернулся к Лине. Она глядела на меня и улыбалась, как ни в чём ни бывало. Чёрт, а всё-таки, она симпатичная!

– Чего ты хочешь? – напрямик спросил я.

– Поговорить, – тут же отозвалась Лина.

Я вздохнул и попытался быть очень убедительным:

– Лина, мне сейчас, правда, надо спешить. Я обещаю, что зайду к тебе вечером. Или завтра. Или послезавтра. И мы обязательно поговорим. Хорошо? Ну, пока!

И я рванул так, что только пятки засверкали.

К школе я прибежал, когда перемена уже началась. Притаился, лёжа за поваленным деревом и стал наблюдать за ребятами.

За три дня они успели перезнакомиться друг с другом и даже разбиться на группки. У них появились общие интересы, а кое у кого – и общие детские обиды. Я заметил, что Маколей держится в стороне от парней. Они увлечённо гоняли мяч, разбившись на две команды, а Маколей сидел на скамейке и делал вид, что греется на солнышке.

Главным заводилой был Стип Брэндон, как и положено старшему. То ли трёпка, полученная от Интена, не была такой уж серьёзной, то ли Стип быстро от неё оправился. Но он весело носился по поляне, покрикивая на других ребят.

И ещё я заметил, что все ученики оставили сумки в классе. Значит, у меня не было никакой возможности раздобыть другую книгу.

От поваленного ствола пахло прелой корой и сыростью. Я внезапно ощутил горечь и одиночество. Почему жизнь так несправедлива? Я бы тоже мог сейчас носиться по поляне, пиная мяч в хорошей компании. А вместо этого уже украл одну книгу, и теперь думаю, как украсть другую. Натворил дел, не расхлебашь. Чем это всё закончится?

С другой стороны, какой у меня выход? Сдаться на милость судьбы и папаши? Никогда не любил чувствовать себя беспомощным. И в этот раз как-нибудь сумею себе помочь.

Ребята потянулись в класс. Из двери дома вышел Интен, держа в руке большую стеклянную бутылку с тёмной жидкостью. Я догадался, что это чернила.

Интен прошёл по мощёной дорожке вдоль стены и тоже скрылся в школе. Я заметил, что дверь дома осталась приоткрытой.

Я ещё немного подождал, потом поднялся и вышел из кустов. Прямоком через поляну направился к дому учителя. Прятаться я не стал. Даже лучше, если Интен увидит меня из окна.

Уже на крыльце мне пришло в голову, что лучше было бы подождать учителя на улице. Но я не хотел, чтобы меня видели ребята. Мне обязательно нужно было поговорить с Интенем с глазу на глаз.

Я потянул ручку на себя, и дверь открылась. За ней я увидел длинный полутёмный коридор, ведущий в глубину дома. Оттуда вкусно пахло тушёным мясом и свежей выпечкой.

Чёрт, как же я мог забыть про Матильду?

Матильда была экономкой Интена. Муж её умер шесть лет назад, детей у них не было. Одна Матильда не могла справиться с фермой. Вот община и решила пристроить её в экономки к учителю. Работа нетрудная, зато всегда в тепле и кусок хлеба верный.

Справа в коридоре виднелась дверь. Я шмыгнул туда. Ого!

Квадратная комната в два окна была уставлена стеллажами. На всех полках стояли книги. Ничего себе!

Я зачарованно смотрел на корешки. Большинство книг были рукописными. Но попадались и совершенно другие, в плотных обложках. Я вытащил одну из книг.

По ярко-оранжевой, словно цветок апельсинии, обложке вились буквы золотого тиснения. Я прочитал их по складам:

«Марк Твен. Приключения Тома Сойера».

Осторожно открыл книгу. На хрупких пожелтевших страницах ровными рядами теснились аккуратные печатные буквы. Да, это не мои кривые палочки! Сколько же надо труда, чтобы отпечатать хоть один такой томик? Интересно, откуда Интен взял все эти книги? Неужели, с того самого корабля?

Я открыл книгу на первой странице.

«... – Том!

Нет ответа.

– Том!

Нет ответа.

– Куда же он запропастился, этот мальчишка?., Том!»

Дверь кабинета за моей спиной с грохотом захлопнулась.

Я чуть не выронил книгу, но вовремя спохватился. Быстро поставил её на место и побежал к двери. Заперто!

Вылезти в окно? Я метнулся к оконному проёму. Створки закрыты на обыкновенные шпингалеты. Выпрыгнуть – пара пустяков! А там опрометью в кусты, и никто меня не поймают.

И куда я побегу? Домой, к папаше?

Я отошёл от окна и с мрачным видом уселся в кресло возле письменного стола. Дождусь Интена, и будь, что будет.

Значит, Матильда услышала, как я вошёл. А может, в окно увидала. Наверняка сейчас бежит звать Интена. Ну, теперь-то он не будет смеяться.

За дверью было тихо. Я подождал минут десять. Потом ещё десять. А потом соскучился. То ли Интен решил, что я непременно сбегу через окно, то ли решил меня помучить. Да и наплевать!

На письменном столе лежал необычный чемоданчик. Полностью металлический с ребристыми блестящими гранями. Он был заперт на два сложных замка.

Такой чемодан не могли сделать на Местрии. В самом деле, не кузнец же его ковал! Зубилом и кувалдой такую штуку не изготовишь, это не подкова.

Я подёргал замки, потом догадался нажать на выступающие кнопки. Замки щёлкнули, и чемоданчик открылся.

Внутри оказалось какое-то непонятное устройство. Ручки, стеклянные окошечки, две угольно-чёрные панели, провода... Я разглядывал их, пытаюсь понять назначение.

Вдруг дверь открылась. В комнату вошёл Интен. И первое, что он сделал – расхохотался!

Я мгновенно захлопнул чемоданчик и отскочил за кресло. Интен вытер слёзы и сказал сквозь смех:

– Ал! Ты не мог бы просто ходить в школу, как все нормальные дети?

Потом мы пили на кухне травяной чай с булочками. Матильда притворно ворчала и качала головой, а сама подкладывала мне одну булочку за другой.

Конечно, мне пришлось объяснять, почему я украл у Стипа книгу и залез в кабинет. Интен нахмурился.

– Кажется, вышло какое-то недоразумение, – задумчиво сказал он. – Я завтра с утра загляну к вам и поговорю с твоими родителями, Ал. Думаю, тебе обязательно надо учиться! Это хоть небольшой, но шанс, что ты больше ничего не натворишь.

И тут на улице раздался громкий стук. Кто-то барабанил по входной двери кулаками. А затем до ужаса знакомый голос хрипло крикнул:

– Ал! Выходи, мерзавец! Я знаю, что ты здесь.

– Кто это? – удивлённо спросил Интен.

– Это мой отец, – обречённо отозвался я.

Друзья, не забывайте подписываться – это лучший способ не потерять друг друга) И ставьте лайки, если понравилось – мне будет приятно)))

Глава 4

Воскресным утром я сидел в столярке под замком и уныло плёл новую корзину. Вся семья дружно переоделась в праздничные наряды и умотала на ярмарку. А мне папаша придумал наказание – плести корзину взамен утраченной в неравном бою с Брэндонами. И вот ведь добрая душа – разрешил взять с собой в столярку кружку воды и кукурузную лепёшку!

Прутья дикого орешника я нарезал зимой возле замёрзшего ручья. Потом мы с папашей выварили их в соде, очистили от коры и высушили под навесом. От сушки древесина белеет, становится крепкой и не ломается на сгибе.

Орешник, само собой, не настоящий. То есть, орехи на нём растут крупные – просто загляденье! Вот только есть их нельзя. Сперва сломаешь зубы о скорлупу, а потом отравишься. Так и помрёшь беззубым.

А вот ветки у него длинные, гибкие и прямые. Плести из них – сущее удовольствие. Мне такая работа всегда нравилась, и корзины у меня выходили красивые. Во всяком случае, куда лучше, чем у папаши.

Вчера вечером меня спас Интен. Когда он открыл дверь, папаша ворвался в дом, будто дикий зверь. Я уж думал, что мне не поздоровится, но учитель загородил меня спиной и вежливо сказал:

– Добрый вечер, Юлий! Мы с Алом как раз обсуждали его учёбу. Думаю, я погорячился, запросив с тебя полную цену, когда ты приходил ко мне.

Эти слова Интен произнёс с нажимом. А отец разинул рот, словно квакша весной. Интен сокрушённо покачал головой и продолжил:

– Мне очень жаль, что так получилось. Из-за моего отказа мальчик был вынужден украсть книгу. Знаешь, Юлий, я возьмусь учить Ала бесплатно. Это хотя бы отчасти загладит мою вину.

Он говорил так убедительно, что даже я на минуту поверил. А потом до меня дошло! Конечно, папаша вовсе не ходил к Интену. Просто учитель давал ему возможность выкрутиться, чтобы отец не отыгрался на мне.

Мало того! Когда мы отправились домой, Интен пошёл вместе с нами. Всю дорогу он втолковывал папаше, какая польза может быть от учёбы. Вдруг Ал станет агрономом, говорил он. И уж точно сможет по-умному распорядиться фермой Петера и Ирри Сондерсов, когда женится на Лине.

Папаша слушал Интена и ничего не отвечал. Только переступал голенастыми ногами да изредка сглатывал, словно болотная цапля, проглотившая слишком жирную лягушку.

Когда мы подошли к дому, Интен попросил меня позвать маму. Она вышла на крыльцо, заложив руки за фартук. Учитель слово в слово повторил ей всё, что сказал отцу. Он хвалил меня, сожалел о своём отказе и всё время выразительно смотрел на отца. А папаша только молча кивал. Зато утром отыгрался на мне от души.

Конечно, отца тоже можно было понять. Он жутко разозлился на меня за выходку с лестницей. Оказывается, пока он тихо сам с собой распивал на крыше настойку, мама приготовила обед и ушла к соседке, которой надо было помочь раздоить козу. Через пару часов в бутылке показалось дно. Папаша устал и сладко прикорнул на солнышке. А когда проснулся, беззаботная птичья жизнь ему наскучила, и он захотел на твёрдую землю поближе к кухне.

Вот только подать ему лестницу было некому. Я давным-давно убежал к Интену, а мама задержалась у соседки за чаем с булочками и болтовнёй. Так отец и просидел на крыше до самого вечера, пока домой не вернулся Грегор.

Ясное дело, папаша мог бы позвать кого-нибудь из соседей. Но побоялся, видите ли, что его поднимут на смех. Нашим деревенским шутникам только дай повод почесать языки. Поэтому, когда кто-то проходил мимо, папаша сидел тихо, как мышехвост под кукурузной соломой и делал вид, что у него всё в порядке.

Одно хорошо – крышу овина отец починил на совесть. Времени у него было навалом.

Ореховый прут с треском лопнул. Острый конец воткнулся мне в ногу, пропоров её чуть не до кости. Я взвыл и отшвырнул корзину в сторону.

Да к чёрту! Они там будут развлекаться, а я тут мучайся? Ну, уж нет! Сегодня воскресенье, а в воскресенье людям положено ходить в церковь и на ярмарку. То есть, сплетничать, отдыхать и веселиться.

К тому же, попробуйте сплести корзину одной рукой. Я как мог, помогал себе локтями, коленями и даже зубами – но корзина всё равно выходила кособокая.

Я вскочил с чурбака и пнул корзину так, что она отлетела в угол. В голове у меня созрел план, простой и безотказный, как топор. Почему бы не раздобыть корзину на ярмарке?

А папаша мне в этом как раз и поможет. Это будет справедливо – только идиот мог усадить однорукого за плетение корзины.

Я взял с верстака обломок старой пилы, просунул его в щель между дверью и косяком. Приподнял засов из проушин и вышел наружу. Хорошо, что папаша не догадался заколотить дверь гвоздями – с него стало бы!

Заглянул в сарай и пошарил рукой за бочонком. Увы, там ничего не было.

Несколько секунд я прикидывал, куда папаша подевал свои драгоценные бутылки. Выпить всё он не мог, значит – перепрятал. Да чёрт побери, он мог засунуть их, куда угодно от чердака до сортира! Ферма большая – ищи, пока улитка на горе не свистнет.

Дело осложнялось – теперь выменять корзину было не на что. Ну, и чёрт с ним! Корзину я всё равно раздобуду, хоть украду. Или прикинусь калекой и буду петь жалобные песни на всю ярмарку. То-то папаше стыдно станет!

Я толкнул калитку, и она распахнулась с жалобным скрипом.

Кривыми переулками я добрался до церковной площади. Так-то ничего необычного не было в том, что я иду на ярмарку. Но встретишь кого – начнутся расспросы: где родители, все ли здоровы, да как ваша свинья опоросилась.

Посёлок-то у нас небольшой. Все друг друга знают. А уж поговорить любят – страсть! Оно и понятно – если всю неделю ходишь за козами и свиньями, так любому человеку обрадуешься. Со свиньёй-то особо не поговоришь. Вот и отводят душу в церкви, да на ярмарке.

А оно мне надо? Мне бы раздобыть корзину, да поскорее назад, в столярку, пока папаша не заметил. Уж сегодня точно не стоило его злить – ведь они только-только поладили с Инте-ном. Глядишь, вернётся папаша с ярмарки, выпьет рюмку за обедом, да и подobreет. А тут я с готовой корзиной. Надо только рожу пожалобнее сделать.

Так что пробирался я огородами и вышел на площадь позади церкви. Здесь в тени деревьев стояло множество повозок, застеленных сеном. На них привозили товар из других посёлков и с дальних хуторов.

Ясное дело, в каждом посёлке – своя ярмарка. Но ведь не все люди – домоседы. Есть и неугомонные путешественники, бродяжья кровь. Такому в радость прокатиться в воскресный день, других посмотреть и себя показать. Да и товар можно обменять куда выгоднее. Вот и

везут с морского берега копчёную и вяленую рыбу, из лесной глуши – тягучий жёлтый мёд и тёплые меха.

Из дома выезжают с ночи, ещё затемно. Благо, дорога знакомая – заплутать негде. Лошадь бежит ходкой рысью, неугомонный торговец трясётся в телеге, натолкав под бока побольше мягкого сена. Нехитрые товары заботливо укрыты грубым полотном от дождя и солнца.

Перед тем, как расставить прилавки, путешественник непременно зайдёт в церковь, попросит у Создателя удачи в торговом деле.

Возвращаются далеко за полдень, не торопясь, довольные торговлей. Никто не погоняет лошадь – плетись себе, как знаешь. Пьяненький хозяин лениво лежит на похуевшем ворохе сена, дремлет, или подсчитывает прибыли и убытки.

А добравшись до дома, всю неделю пересказывает односельчанам новости и сплетни, да готовится к следующей поездке.

Ярмарка была в разгаре. Заливисто ржали лошади, недовольно хрюкали толстенные розовые свиньи, фермеры торговались и спорили, зачастую переходя на крик. Довольные фермерские дочки примеряли новые платья. Под ногами, визжа и хрустя леденцами, сновали хохочущие детишки.

Я покрутил головой – папаши нигде не было видно. Наверное, мама повела его в ряды с одеждой – она собиралась купить отцу новые штаны. На старых брюках уже места не было без заплат, но папаша всё жалел их выбросить.

Ну, и слава Создателю! Сгорбившись, я нырнул в толчею под ярмарочными навесами.

Чего тут только не было! Домотканая одежда, глиняные горшки, стальные ножи, свечи, душистый дикий мёд в дербневых кадках, стеклянная и деревянная посуда, конская упряжь – всё было навалено на дощатых прилавках. В отдельном ряду висели свиные и козьи туши. Здоровые мужики огромными тесаками рубили мясо на куски. Молодое вино бродило в огромных пузатых кувшинах. Вино постарше стояло в глиняных бутылках, запечатанных пчелиным воском. На каждом шагу попадались продавцы жареных сладких рожков, свистулек и хрустящей кукурузы.

Посреди площади маленькая девчушка в пёстром сарафане пела жалостливую песню. Седой слепой старик подыгрывал ей на губной гармошке. Голосок у девчушки был тоненький, но чистый. И пела она так, что слеза прошибала.

Я уже видел девчушку и старика на прошлой ярмарке. Они приезжали откуда-то с побережья. Там у них был дом, да сгорел. Родители девочки погибли в огне, и она осталась вдвоём с дедом. Конечно, бедствовать на Местрии никому не дадут – не такие у нас порядки. Всегда найдутся родственники, друзья, да и просто добрые люди, которые не попрекнут куском хлеба. А если можешь делать что-то – да вот хоть бы песни петь – так точно не пропадёшь. Ведь песня – тоже хлеб, только для души. У нас это понимают.

Я и сам не заметил, как оказался в первом ряду. Люди вокруг меня одобрительно шумели и хлопали. Старику и девочке несли лепёшки, фрукты. Полная улыбочивая женщина накинула на плечи девчушки красивый вязаный платок.

И тут я увидел Лину. Она стояла напротив и внимательно глядела на меня. Хуже того! Рядом с Линой я заметил маму и папашу! Я тут же шмыгнул в толпу и заработал локтями изо всех сил.

Корзины продавали в восточном углу площади. Добравшись туда, я с облегчением вздохнул. Вряд ли отец сюда забредёт – зачем ему покупать корзины, если можно бесплатно усадить за работу меня?

Приезжие продавцы меня не устраивали – мне было нечего им предложить. Нужен был кто-то из нашего посёлка, кто хорошо знал бы отца. И обязательно мужчина.

Тут я увидел папашу Брэндона. Он сидел под навесом, важно покуривая самокрутку из виноградных листьев. Перед ним были разложены связки выделанных шкур. Рядом стояла парочка корзин. Они были кривоватые – видать, младшие Брэндоны делали. Но мне выбирать не приходилось.

Я с независимым видом подошёл к его прилавку. Погладил мягкий тёплый мех, пощупал мездру шкурок. И сказал:

– Я, пожалуй, куплю корзину.

Брэндон ухмыльнулся.

– А что ты можешь предложить взамен?

Я помолчал, улыбаясь, пока в нём разгоралось любопытство. А потом наклонился поближе к Брэндону:

– Я расскажу вам рецепт папашинной настойки.

Я еле успел вернуться в столярку и аккуратно запереть за собой дверь. Плюхнулся на чурбак, сделал грустное лицо и поправлял у корзины ручку, когда семья, наконец, вернулась. Впереди шла мать под руку с дородным пастором Свенем. Они о чём-то добродушно беседовали. Пастор внимательно слушал маму, и я почувствовал, как на душе скребут мышехвосты.

За ними папаша тащил покупки. Он был трезвый и потому хмурый. Ну, понятно. Если приглашаешь пастора к обеду – изволь выглядеть прилично. Хотя, как по мне, для обеда было рановато.

Увидев меня, отец грозно насупился и отвернул нос в сторону, всем видом показывая, как он мной недоволен. А мне-то что? Не хочет глядеть – и не надо! Ещё и пастора привёл – не иначе, как учить меня уму-разуму.

Позади всех плелись Грегор с Нормой. Брат обнимал Норму за талию, а она повисла у него на плече и что-то шептала на ухо. Завидев меня, они глупо захихикали.

Я высунул голову в окно, вытер нос и вежливо поздоровался с пастором. Он подошёл ближе, заглянул в столярку.

– Благослови тебя Создатель, юноша. Какая чудесная корзина! Отрадно видеть, что и в воскресный день ты не забываешь о труде на благо ближних.

Уголки его полных губ на мгновение дрогнули. Я мог бы поклясться, что пастор подшучивает надо мной. Но тут мать увела его в дом. Я слышал, как она гостеприимно предлагает пастору стул и воду с вареньем.

Грегор и Норма тоже остановились возле окошка.

– Спроси его! – Норма весело толкнула Грегора локтем. – Ну, спроси!

– Тебе надо – ты и спрашивай, – хмуро отозвался Грегор.

Норма просунула голову в окно.

– Ал, ты не знаешь, почему Лина ходит загадочная и всё время улыбается?

– Не знаю, – буркнул я, не отрываясь от работы.

– А мне сдаётся, что знаешь. Просто скромничаешь.

Ох, не нравилась мне её улыбочка. Интересно, что Лина наболтала этой рыжей змее?

– Говорят, отец тебя запер, чтобы ты к ней не бегал. Правда?

Тут Норма не выдержала и расхохоталась. А Грегор захрюкал, как поросёнок.

У меня отлегло от сердца. Значит, Лина никому не сказала, что видела меня на площади.

Но в это время из дома вышел пастор Свен, и они примолкли. Пастор, улыбаясь, подошёл к нам.

– Веселье – не грех, молодые люди! Господь любит тех, кто умеет работать и веселиться. Кстати, Ани накрывает стол, ей не помешала бы помощь.

Пастор говорил вполне доброжелательно. Но Грегор с Нормой больше смеяться не стали. Наоборот, бочком-бочком двинули в дом.

Пастор добродушно покивал им вслед и обратился ко мне:

– Прогуляемся, Ал? Нам с тобой надо поговорить.

Ну, началось! Я тяжело вздохнул и послушно поднялся с чурбака. Пастор отодвинул засов, и мы вышли на улицу. Калитка снова заскрипела. Нет, нужно всё-таки её смазать.

Мы шагали вдоль забора, над которым нависали ветки вороньих яблонь. Пастор насвистывал, заложив руки за спину. Я немного приотстал. На углу палисадника пастор остановился и повернулся ко мне.

– Отец жалуется на тебя, Ал.

Я не стал опираться.

– Он сам виноват, пастор Свен! Я только...

Пастор улыбнулся.

– Бегал к учителю? Говорят, ты часто бываешь у него.

Я замялся, подбирая слова для оправдания, но пастор положил мне ладонь на плечо и продолжил:

– Нет ничего плохого в том, что ты тянешься к знаниям. Любопытство заложил в нас Создатель. Лишь бы оно не было праздным.

– Я просто хочу учиться! Не всем же быть фермерами.

Пастор весело рассмеялся. На его круглых, гладко выбритых щеках появились детские ямочки.

– Знаешь, ещё неделю назад я бы с тобой не согласился. Простым людям нужна простая жизнь. Несбыточные мечты отравляют душу. Так я сказал бы тебе неделю назад.

– А что вы скажете сейчас? – осторожно спросил я.

Задумчиво глядя на верхушки яблонь, пастор Свен почесал жирный подбородок. Потом перевёл взгляд на меня.

– Скажи, Ал, почему тебе так не нравится простая жизнь? Ты же знаешь, что всё живое создал Господь. Ему радостны любые проявления жизни.

Я почувствовал, как мои уши покраснели от злости. Сколько можно разговаривать со мной, как с несмышлёным ребёнком? Сначала папаша, теперь – пастор. Хотите знать правду? Пожалуйста!

Я подобрал камень и подбросил его вверх. Камень сочно шмякнулся о землю.

– Пастор Свен, а вы знаете, почему камень падает?

Лицо пастора вытянулось, он задумался.

– Всё в этом мире происходит по воле Создателя.

Я вздёрнул подбородок.

– Учитель Интен говорит, что камень падает потому, что его притягивает планета. А почему солнце висит в небе?

Пастор весело улыбнулся.

– Солнце – это звезда, Ал. Оно очень далеко от Местрии и гораздо больше её. Как видишь, я тоже кое-что знаю.

Пастор развернулся на пятках, снова заложил руки за спину и, насвистывая, направился к калитке. Легонько толкнул её толстыми пальцами, послушал скрип и сказал с непонятной улыбкой:

– Для Местрии наступают новые времена. Значит, ей понадобятся новые люди. Не такие, как мы.

Когда мы с пастором вернулись в дом, мама и Норма уже накрывали стол. На праздничной скатерти были расставлены расписные глиняные тарелки. Ложки мама тоже положила не простые деревянные, а узорчатые, купленные на ярмарке.

Подобревший папаша втолковывал Грегору, как разводить водой свиной навоз для подкормки винограда. В прошлом году Грегор развёл подкормку слишком густо – понадеялся на дождь. Несколько лучших кустов возьми, да и засохни. Папаша полдня гонялся за Грегором с оглоблей. Но не догнал.

Норма торжественно внесла глиняную супницу, над которой поднимался густой душистый пар. Суп из сладких рожков, ну надо же! Мама готовит его только по большим праздникам. Рожковое дерево в саду не растёт, хоть тресни. Приходится собирать рожки в лесу, наперегонки с птицами.

Наконец, все расселись. Пастора Свена, конечно, усадили на лучшее место во главе стола. Обычно там сидит папаша. Но сегодня ему пришлось ютиться на лавке, рядом с Грегором.

Пастор принял торжественный вид. Все примолкли, только Норма что-то возбуждённо шептала Грегору на ухо. Но мама бросила на неё такой взгляд, что болтунья аж поперхнулась. Да, непросто ей будет в нашем доме.

Пастор сложил руки на груди и произнёс:

– Поблагодарим Создателя за жизнь, которую он нам подарил,

За воздух, которым дышим,

За пищу, которую едим,

И за детей, которые будут нам опорой в старости.

Я подумал, что за пищу куда логичнее поблагодарить маму, ведь суп варила она, а не Создатель. Да и меня, если уж на то пошло – это я прошлым летом собирал сладкие рожки. Но выпендриваться не стал, только опустил голову так низко, что чуть не уткнулся носом в тарелку.

Пастор закончил молитву и поднялся, держа в руке бокал вина. Само собой, мы все тоже встали.

– Дорогие Юлий и Ани! Радостно видеть, как процветает ваша ферма, как зеленеют ваши поля и виноградники. Но всего отраднее видеть, как растут ваши дети. Грегор – совсем взрослый, настоящий мужчина! – пастор кивнул в сторону брата. – Ал – уже не подросток, а юноша. Их дороги только начинаются. Может быть, они будут не такими, как наши – на всё воля Создателя. По твоей просьбе я поговорил с Алом, Юлий! Он разумный юноша и серьёзно смотрит на жизнь. Я думаю, что ему надо учиться – из этого выйдет толк.

Глава 5

Если вы думаете, что после слов пастора папаша угомонился – вы сильно ошибаетесь. Отец не из тех, кто отступает перед такими пустяками, как мнение окружающих. Словами его не проймёшь, кто бы их ни говорил.

Только теперь он решил действовать не запретами, а хитростью. На следующее утро, ехидно улыбаясь, он вручил мне две корзины.

– Пастор сказал, что ты серьёзный и ответственный юноша, Ал. Я с ним согласен. Значит, ты понимаешь, что благополучие фермы зависит от труда каждого из нас. Если виноград пропадёт – нам будет нечего продать на осенней ярмарке. А ведь тебе теперь надо покупать книги и тетради. Да и новые ботинки не помешают на следующий год. Собери две корзины улиток, и можешь спокойно идти в школу – я тебе слова не скажу.

Задумка отца была понятна. Он решил, что рано или поздно мне надоест такая жизнь, и я сам брошу учёбу. А может быть, ждал, что я сбегу с виноградника. Тогда у него будет повод пожаловаться всем, что я никчёмный лентяй.

Только он просчитался – я твёрдо решил, что такой радости ни за что ему не доставлю. Не один папаша у нас в семье упрямый. И всё-таки, почему он так взъелся на учёбу? Тем более что платить за неё не надо. Чтобы отец отказался от бесплатной пользы – я такого не припомню.

Я приветливо улыбнулся отцу и сказал:

– Хорошо, па, конечно. Постараюсь управиться к обеду.

Потом, как ни в чём ни бывало, подхватил корзины и, весело насвистывая, направился со двора.

В спину полетел хриплый яростный кашель. Он показался мне слаще любой музыки.

Но едва я завернул за угол, как припустил со всех ног и бежал до самого виноградника. Шутка сказать – набрать две корзины улиток до обеда! В прежние времена я бы и к вечеру не управился. Впрочем, был у меня один план.

Галопом добежав до нашего участка, я стянул рубаху, расстелил её на земле и принялся стряхивать улиток прямо на ткань. Получалось куда быстрее, чем собирать их руками по одной. Дочиста обобрав лозу, я высыпал улиток в корзину и тут же переходил к следующему кусту. Кое-где с кустов вместе с улитками падали листья и неспелые грозди. Но на такие мелочи я уже внимания не обращал.

Через час корзина была полна. Я оттащил её в сторону, пару раз глубоко вздохнул, выругался и сразу же принялся наполнять вторую. Дело шло помедленнее – я изрядно устал. Но все шансы набрать две корзины до обеда у меня были.

Со второй корзиной я покончил, когда время уже подходило к полудню. Солнце жарило, словно в последний раз. На севере собирались высокие кучевые облака. Летучие мыши со свистом проносились над самой землёй – верный знак, что вечером будет дождь.

Я немного передохнул и собрался идти домой. Тащить две полные корзины было чертовски тяжело, да и рука всё ещё побаливала. Тогда я отыскал крепкую суковатую палку, повесил на неё корзины, а палку взвалил на плечи. Так дело пошло полегче. Хорошо было бы обмотать палку какой-нибудь тряпкой. Но не снимать же ради этого штаны – вдруг кто встретится по дороге.

И точно! Как вы думаете, кто мне попался? Разумеется, дядька Томаш! Только в этот раз он не спал, а сидел под виноградными кустами и посасывал настойку из бутылки.

– Здравствуйте, дядька Томаш! – вежливо сказал я и собрался быстренько проскочить мимо, но он махнул рукой.

– Ал! Присядь, передохни! Хочешь воды?

Он приветливо протянул мне бутылку, потом спохватился и спрятал её за спину. Судя по всему, он успел изрядно набраться.

– Извините, дядька Томаш! Я спешу – мне ещё в школу надо успеть.

Он покачал седой головой.

– Все куда-то торопятся! У всех дела, заботы. А я вот никуда не спешу. Куда можно спешить на этой чёртовой деревяшке, пропади она пропадом? – горько сказал он и со злостью топнул протезом.

Ну, что тут скажешь? Если у человека несчастье – он часто злится на весь белый свет. Только вот облегчение от такой злости временное, толку от него никакого.

Я вздохнул и поставил свои корзины.

– Дядька Томаш! Давайте, я помогу вам набрать улиток, а вы не станете больше пить? А то тётя Джуди сильно расстроится!

Понятно, что пьёт он не для удовольствия. Он как-то приходил к папаше и жаловался, что отрезанная нога по ночам болит и мешает спать. А перед дождём ноет, словно больной зуб. Да ещё и протез натирает культю, сколько ни подкладывай туда мягкие тряпки.

Я почти силой отобрал у него бутылку, и мы принялись наполнять его корзину. Провозились почти час, дядька Томаш больше мешал, чем помогал. Хорошо, хоть корзину ему тётя Джуди дала небольшую.

Дядька Томаш предложил меня проводить, но тут уж я сумел отказаться – скорость у него не та, что мне сейчас требовалась. Ввалил свою поклажу на плечи и боком, словно рак, потрусил по дороге. Пока добрался до дома, плечи свело так, что не разогнёшься. Я кое-как опустил тяжеленные корзины на крыльцо. Что характерно, папаша даже не вышел на них взглянуть. Но я этого ожидал, и ничуть не расстроился.

Я расправил спину и с наслаждением вылил на себя ведро воды возле колодца. Не холодной, конечно. Что я, дурак, что ли? Ведро с водой всегда стояло рядом и успевало нагреться на солнце. Потом я снова наполнил ведро и забежал домой перекусить и переодеться. Ещё пришлось ждать, пока мама погладит рубашку и штаны. А когда я, наконец, вышел на крыльцо, возле калитки стояла Лина.

На ней было лёгкое светлое платье в цветочек. Выгоревшие волосы рассыпались по коричневым от загара плечам. Длинные пальцы беспокойно мяли холщовую сумку.

– Привет, Ал! – сказала Лина и смущённо улыбнулась. – Я не опоздала?

Я так оторопел, что слова сказать не мог. А Лина пальцами босой ноги нарисовала кружок в дорожной пыли и продолжила:

– Родители решили, что мне тоже надо учиться.

Вот тебе раз! Я тут смертным боем бьюсь с папашей, а у неё всё так просто. Родители решили! Везёт же некоторым!

Тут я вспомнил, что если женюсь на Лине, то и буду жить с её родителями. И хотя они любят дочек, это сразу видно – неизвестно ещё, как они отнесутся ко мне.

И чего Лина смотрит на меня так внимательно, как будто чего-то ждёт? Прямо в краску вгоняет!

Я подобрал отвисшую челюсть и буркнул:

– Ну, пойдём, что ли.

Оказалось, что и спешить-то особо некуда. Утром я так старался закончить работу побыстрее, что даже дядька Томаш не сумел меня задержать. Вот что значит целеустремлённость.

Мы с Линой шли по улице. Она молчала, а я тоже не знал, о чём говорить. Спросить у неё как дела? Так на Местрии дела у всех идут одинаково. Свиньи толстеют, козы доятся, кукуруза поспевает.

Сильно саднило плечо, натёртое палкой с корзинами. Я досадливо поморщился. Если папаша не прекратит свои происки – за лето на мне живого места не останется. Может, ему надоест? Хотя, сомневаюсь, если честно.

Лина осторожно взяла меня за руку. Это было неожиданно. И, честно говоря, приятно. Я не стал выдёргивать руку, но и ладонь её не сжимал. Так мы и шли по улице – держались за руки и молчали.

Возле моста Лина остановилась. Отпустила мою руку и повернулась ко мне. Я понял, что от разговора всё-таки не отвертеться.

Глядя мне прямо в глаза, Лина сказала:

– Я знаю, что не нравлюсь тебе, Ал. Но не понимаю – почему. Я симпатичная, это все говорят. И совсем не дура, что бы ты об этом ни думал.

Вот уж точно – не дура. И что я должен ей ответить? А Лина продолжала:

– У моего отца большая ферма. Они с мамой хорошо к тебе относятся. Так в чём дело? Почему ты от меня бегаешь?

Вот именно – ферма! Свиньи, виноград и кукуруза. Да я сейчас-то не знаю, как избавиться от такого счастья. Вот только как объяснить это Лине? Но и врать тоже нехорошо. Она-то со мной по-честному, напрямую.

Я собрался с духом:

– Дело вовсе не в тебе, Лина. Просто я не хочу становиться фермером. Я хочу учиться, понимаешь?

Лина наморщила лоб.

– Учиться? А потом? – спросила она.

Тут я призадумался. Действительно, а что потом? После того, как я выучусь, свиньи мне милее не станут. Скорее уж, наоборот. А чем тогда заниматься, как зарабатывать на жизнь?

– Может быть, я сам стану учителем.

Эта мысль как-то впервые пришла мне в голову. И сразу показалась правильной. Ну, конечно – именно такой и должна быть моя будущая жизнь! Письменный стол, удобное кресло и книги. Много-много книг.

– Понятно, – задумчиво протянула Лина. – Слушай, а что у тебя с рукой? Можно, я посмотрю? Отец мне рассказал, что ты подрался с Брэндонами.

Не успел я ответить, как Лина сама шагнула ко мне и взяла за левое запястье. Я чуть не заорал от неожиданности. Но было совсем не больно – Лина держала руку осторожно.

Не выпуская её, Лина сделала ещё шаг и прижала мою ладонь к своей груди. И так ловко это проделала, что мои пальцы сами собой сжались.

Я почувствовал, как Лина прижимается ко мне широкими, горячими бёдрами. У меня даже голова пошла кругом.

– Ой!

Лина заинтересованно смотрела куда-то вниз. Рот её приоткрылся, зрачки расширились.

– Значит, я тебе всё-таки нравлюсь, Ал. Ты меня не обманываешь насчёт фермы.

Надо было воспользоваться моментом и вырваться! Но Лина крепко держала меня за руку. Чёрт, теперь я и вовсе от неё не избавлюсь!

Эх, родители! Нет, я понимаю, что вы хотели мне только хорошего. Но откуда эта дурацкая привычка причинять человеку добро без спроса?

Тем временем Лина обняла меня за шею и поцеловала. Да так, что я чуть не задохнулся! Пришлось изо всех сил дышать носом. И тут я почувствовал на щеке что-то влажное и горячее.

Лина плакала. Слёзы текли из её полуприкрытых глаз, скатывались по щекам и падали в траву.

– Если ты окажешься от меня, Ал, родители отдадут меня за Брэндона, – прошептала она. – А он мне совсем не нравится.

Она прижалась лицом к моей груди и разрыдалась. Я обнял её – а что ещё оставалось делать? Я не очень-то умею утешать девушек.

– Пойдём в школу, Лина! Иначе мы опоздаем.

Как-то само собой мне пришло в голову, что учителю тоже кто-то готовит обед и стирает рубахи. Вот у Интена есть Матильда. А у меня? Почему бы и не Лина?

Мы перешли мост и шагали по дороге через лес. Небо уже затянуло облаками, дул прохладный ветерок, шуршал листвой. В воздухе пахло сыростью и свежестью приближающегося дождя.

Теперь уже я держал Лину за руку. Она шла рядом, легко ступая стройными босыми ногами.

– Послушай, Ал, только ничего не говори, – сказала Лина, когда мы подошли к школе. – Если ты хочешь стать учителем, я буду тебе помогать. И поговорю с родителями. Они убедят твоего отца.

Я не стал её расстраивать, хотя сердце мне подсказывало, что так просто папаша не сдастся.

Стип Брэндон, увидев нас с Линой, разинул рот и выпучил глаза. Понятное дело – он и меня-то одного не ожидал увидеть в школе. А уж вдвоём с Линой – и тем более. Краем глаза я заметил, как он отозвал в сторону Маколея и принялся ему что-то втолковывать. Маколей отчаянно мотал чернявой головой. Стип, видно, рассердился. Схватил Маколея за шиворот, и давай трясти. У того даже позвонки друг о друга застучали – я сам слышал.

Мне это сразу не понравилось – больно уж злобно Стип на меня косился. Я подошёл к ним.

– Отстань от парнишки, Стип!

Рыжий нехотя отпустил Маколея. Тот сразу нырнул в класс. Стип набычился:

– Иди, куда шёл, Ал! Не лезь не в своё дело.

Но сегодня испортить мне настроение было не так-то просто.

– Извини, что стащил у тебя книгу, Стип. Сам понимаешь – не было у меня другого выхода. Сильно тебе влетело?

Видно, Стип не привык, чтобы перед ним извинялись. Он только буркнул:

– Не твоё дело!

И отвернулся.

Меня и Лину, как самых рослых, посадили на заднюю парту. Первым уроком снова было чтение. Я так понял, это для того, чтобы мы не измазали чернильными пальцами книги. И тут Интен снова учудил.

– Ал, – сказал он, – возьми книгу и выйди ко мне. Читай на восьмой странице. Внимание! Все хором повторяем за Алом.

«Страшно остаться без мечты. У кого нет мечты – тот не видит дальше своего носа. Он живёт сегодняшней выгодой, не думая о завтрашнем счастье. Если бы не мечта – наши предки никогда не долетели бы до Местрии».

Читал я уверенно, хоть и медленно. Сбился только на слове «сегодняшней», но Интен меня поправил. Все повторяли за мной – и Лина, и Маколей. Только Стип, сидевший впереди Лины, шевелил губами, но не издавал ни звука.

А по оконным стёклам мерно стучал дождь.

Потом мы писали палочки. Я хоть и пробовал раньше, да, видать, изрядно подзабыл, как это делается. Палочки у меня упорно выходили разной длины и валялись то вправо, то влево. Да ещё на стол умудрился капнуть чернилами, пришлось оттирать его рукавом.

А вот у Лины палочки получались ровные, тоненькие и аккуратные. Как будто она всю жизнь их рисовала. И как ей это удаётся? Интен подошёл и похвалил её, а на мои художества только головой покачал.

К перемене дождь закончился. Ветер постепенно разгонял тучи. Кое-где уже проглядывало чистое небо. Мы с удовольствием высыпали на улицу.

Ребята опять затеяли играть в мяч. Закатав штанины, они носились по мокрой поляне. Звали и меня, но я отказался – усталость брала своё. Лина возилась с девочками и сразу с ними подружилась.

Тут я и заметил, что Стип Брэндон куда-то смылся.

Ни на арифметике, ни на истории его не было. Интен то ли не обратил на это внимания, то ли не подал виду. А вот я крепко призадумался. С чего бы это Стипу пропадать посреди уроков? А потом я вспомнил, как он требовал что-то от Маколея, и в голове всё сложилось.

На истории Интен рассказывал про Чёрные времена. Так называлась война между правительством и фермерами, которая произошла сто семьдесят лет тому назад. К тому моменту фермеры окрепли и стали опорой жизни на Местрии. А правительство, образованное сразу после высадки, продолжало тянуть с них соки. Вот фермеры и взбунтовались.

Было несколько стычек, в них погибло больше двух тысяч человек. В конце концов, фермеры победили. С тех пор правительства на Местрии нет. Все важные вопросы решаются на собраниях фермеров и цеховых старост. Да только собрание давно уже не собиралось – незачем. Жизнь идёт своим чередом.

Когда уроки закончились, я отозвал Лину в сторону.

– Пойдём домой через лес, а не по дороге.

И тут Лина опять меня удивила.

– Это из-за Стипа, да? – спросила она. – Думаешь, он побежал за братьями?

И как у меня хватило ума считать её душой? Да отсохни мой язык после этого!

Я кивнул.

– Давай уйдём первыми, – предложила Лина, – и обгоним остальных. Брэндоны ничего не заподозрят, а мы проскочим мимо них.

Так мы и сделали. Я хотел подкрасться к дороге и посмотреть – не ошибся ли я. Но Лина была против.

– Это неразумно, Ал, – твёрдо сказала она. – Ведь ты не знаешь, где они караулят, и можешь сам попасться. Что я буду делать в лесу одна, если тебя поймут?

«Неразумно», ишь! И откуда только она такие слова знает?

А главное, не поспоришь.

Мы не спеша брели по мокрому лесу. Ветер слегка раскачивал макушки сосен. С деревьев падали крупные холодные капли. Иногда они попадали за шиворот, заставляя ёжиться от холода. В низинах утробно урчали квакши. Одинокая ворона, увидев нас, хрипло раскричалась на весь лес. Некоторое время она следила за нами, перелетая с ветки на ветку, потом отстала.

Мы болтали об учёбе и семейных делах, об Интене и моём папаше. Находили общие темы, словно осторожно прощупывали, проверяли друг друга. И по молчаливому соглашению не вспоминали разговор у моста. Очень уж он вышел откровенным, преждевременным.

Я рассказывал Лине, как оставил папашу на крыше овина с бутылкой настойки, а сам ловил её короткие, искоса, взгляды. Она смотрела на меня и одновременно вглубь себя, как будто пыталась в чём-то разобраться. И улыбалась краешком посиневших от холода губ – то ли мне, то ли своим мыслям.

В конце концов, мы сделали порядочный крюк, перешли журчащую речку по узкой мельничной плотине и вышли к посёлку недалеко от нашей фермы. Стемнело. Зеленоватый свет Идры пробивался сквозь мутные облака. Я предложил Лине зайти к нам обсушиться, но она покачала головой.

– Давай завтра, Ал. Сегодня не хочется. Да и мама будет беспокоиться, что меня долго нет.

Тогда я пошёл её провожать. Мы всё так же не спеша добрались до фермы Петера и Ирги. В окне кухни уютно горел огонёк. Мелькнула неясная тень, на мгновение перекрыв свет.

Мы остановились возле калитки, и я поцеловал Лину. Это вышло как-то само собой. Она закрыла глаза, прижалась ко мне. Я почувствовал, как она дрожит, осторожно обнял её, и мы снова поцеловались.

Глава 6

Я сидел дома у дядьки Томаша и смотрел, как тёти Джуди неторопливо разминает глину. Сначала она расплющила её в блин на мокром столе, потом собрала в плотный комок. Покатала его в ладонях и с силой шмякнула о стол. Снова расплющила и опять собрала.

Шмяк!

– С глиной торопиться нельзя, – сказала она, – если в ней останутся пузырьки воздуха, горшок лопнет при обжиге. А то и во время готовки. Прежде, чем лепить – ты вымеси глину, как следует, не жалея времени. Чем лучше вымесишь – тем мягче глина, и лепить из неё проще.

Шмяк!

– Так и с людьми, – тётя Джуди чуть заметно улыбнулась. – Не жалея для них времени, они и станут мягче.

Шмяк!

– Конечно, бывает и глина негодная. Возишься с ней, возишься, а толку нет. Тут уж надо чутьё иметь.

Шмяк!

– И с собой то же самое. Себя вылепить – много терпения нужно. Не один день промучаешься, а то и не один год.

Шмяк!

Тётя Джуди перенесла глиняный комок со стола на гончарный круг. Обжала его ладонями. Села на скамеечку и осторожно нажала на педаль. Круг начал медленно вращаться.

– Глина должна быть в самой середине круга. Чтобы ни вправо, ни влево не шелохнулась.

Она смочила руки в воде и принялась поправлять глину, прижимая её к подставке. Вытянула вверх глиняный конус. Потом прижала сверху ладонью.

– Так несколько раз, – она снова смочила руки и опять принялась вытягивать конус. Мутные брызги разлетелись веером, попали на кожаный фартук тёти Джуди.

– Глина крепче пристанет к кругу, и последние пузырьки воздуха уйдут. На педаль дави равномерно, и не слишком быстро. Руки всё время должны быть мокрые, тогда глина не будет к ним липнуть.

– Тётя Джуди, а где вы берёте столько глины? – спросил я, обводя взглядом полки, занимавшие все стены мастерской от пола до потолка. На полках стояли чашки, тарелки, вазы, кувшины, горшки. Некоторые были природного рыже-коричневого цвета, другие покрыты разноцветной глазурью, или орнаментом.

– Копаю возле реки и вожу тачкой. Раньше Томаш помогал, а теперь приходится справляться самой.

– Хотите, я буду привозить вам глину? Хотя каждый день – мне не трудно! Вы только покажите – какую копать.

Тётя Джуди рассмеялась.

– Глину копать тоже надо уметь, этому не сразу научишься. Чтобы без камушков была, без земли, без песка – чистая. Глина – она словно жена, Ал. Выберешь подходящую – крепкая семья будет, все невзгоды переживёт. Ну, а если ошибёшься – развалится, как негодный горшок.

Снова подняв конус, тётя Джуди воткнула в его вершину пальцы левой руки. Получилось углубление. Тётя Джуди стала осторожно расширять его, придерживая стенки правой рукой.

Раз за разом она терпеливо разглаживала чуткими пальцами стенки горшка, поднимала их вверх. Стенки становились всё тоньше, а горшок – всё шире.

Смоченным в воде металлическим скребком она придала горшку бочкообразную форму. Кончиками пальцев выровняла толстый валик глины, который охватывал горловину горшка, сделала его тоненьким и изящным.

Обильно смочив руки, тётя Джуди напоследок быстро провела ладонями по выпуклым глиняным бокам. Бока стали гладкими и заблестели.

Тётя Джуди натянула в руках тонкую проволоку и отделила ей горшок от круга. Остановила вращение. Сняла горшок и быстро переставила его на стол, на тонкую деревянную подставку.

– Ну, вот. Теперь пусть сохнет.

– Тётя Джуди, а можно мне попробовать? – спросил я.

– Конечно, Ал. Пробуй, сколько влезет. Из неудавшегося горшка всегда можно обратно сделать глиняный ком.

Я выбрал комок глины поменьше, уселся на отполированную деревянную скамейку и поставил ногу на педаль.

– Не так быстро, Ал. И не забывай всё время смачивать руки.

Это оказалось тяжелее, чем выглядело со стороны. Вязкая глина сопротивлялась, не хотела поддаваться. Я почувствовал, как на лбу выступили капельки пота.

– Не дави так сильно. Видишь – стенка начала заваливаться. Выровняй её и начни сначала. Терпение, Ал! Терпение и настойчивость.

Я полностью сосредоточился на горшке, стараясь больше ни о чём не думать. Монотонное вращение круга завораживало. Я окунал пальцы в воду и разглаживал, тянул непослушную глину. Вновь окунал и снова гладил.

– Очень хорошо, Ал. Стенки немного толстоваты, но тем прочнее будет горшок. В нём можно приготовить отличное жаркое!

Я отпустил педаль. Некоторое время круг продолжал вращаться. Этому способствовал тяжёлый деревянный маховик на нижнем конце вала. Наконец, вращение прекратилось.

– А теперь отдели горшок от круга. Натяни проволоку, словно струну, и тащи на себя. Хорошо! Осторожно возьми горшок за нижнюю часть стенок и переставь на подставку. Вот, отлично! За пару дней он высохнет, и можно будет обжигать.

Я вымыл руки, выпачканные глиной, и тётя Джуди протянула мне полотенце.

– Ну как, понравилось?

Я только головой кивнул. Ещё бы! Это не кормушку для свиней мастерить под недовольные папашины окрики.

– Из тебя получился бы неплохой помощник, Ал. Запасной круг у меня есть. Я бы и завтра прислала Томаша за тобой, да боюсь, отец тебя непустит.

– Да уж! Он и сегодня-то едва согласился.

– Не переживай, что-нибудь придумаем. Что ж, за хорошую работу полагается хорошая плата. Пойдём, я накормлю тебя обедом. А потом беги в свою школу!

Накормили они меня так, что я и бежать не мог. Плёлся нога за ногу, поглаживая туго набитый живот. Про жаркое-то тётя Джуди не просто так говорила. Положила мне полную тарелку. И это после миски травяного супа на мясном бульоне! А потом ещё был ягодный компот и пироги с начинкой из солёного козьего сыра. Ну, как тут откажешься?

Последний кусок пирога тётя Джуди завернула мне с собой. Я стал было отказываться – неудобно объедать хозяев. А тётя Джуди негромко, чтобы не услышал дядька Томаш, сказала мне:

– Я так благодарна тебе, мальчик. Томаш два дня только о том и говорит, как ты ему помог. Для него сейчас поддержка и человеческое тепло важнее всего. Ведь вчера он, как пришел домой – ни капли не выпил. Все дела по ферме переделал, хоть и валился с ног. И сегодня с утра за работой.

Тут на глаза тётя Джуди навернулись слёзы, и она поспешно смахнула их рукой.

Конечно, папаша не за здорово живёшь отпустил меня к дядьке Томашу. С раннего утра он уже приготовил для меня две корзины и собирался снова отослать в виноградник. Но тут во дворе хлопнула калитка. Папаша вышел на крыльцо, поглядеть – кто там. Ну, и я за ним увязался.

Возле крыльца стоял дядька Томаш.

– Здравствуй, Юлий! – сказал он, увидев отца.

– Привет, Томаш! – недовольно пробурчал отец. – Что-то ты раненько – солнце только вошло. Неужели, так невтерпёж? Мы уже позавтракали, и Ани убрала со стола. Но я сейчас вынесу тебе рюмку и что-нибудь закусить.

Стоя позади отца, я видел, как правая рука дядьки Томаша сжалась в кулак, а глаза прищурившись. Он помолчал, глядя себе под ноги.

– Спасибо, Юлий! Ты хороший друг и всегда выручаешь меня. Скажи, не мог бы ты сегодня отпустить со мной Ала?

Лицо папаша удивлённо вытянулось.

– Зачем тебе Ал, Томаш? Событыльник из него по малолетству никудышный, да я и не разрешу ему пить, – отец рассмеялся, довольный своей шуткой. Теперь уже удивился я – папаша редко смеётся.

– У меня ветром забор повалило, а один я никак не управлюсь. Надо, чтобы кто-нибудь подносил и держал доски. Работа несложная, вот я и подумал, что Ал с ней управится.

– Что, так много работы? – поинтересовался отец.

– Если Ал поможет, то до вечера управимся, – вздохнул дядька Томаш.

Глаза отца заблестели.

– До вечера? Ну, хорошо, Томаш! Как не помочь другу. Забирай мальчишку, пусть поработает. А может, всё-таки, выпьешь?

– Спасибо, Юлий, в другой раз. Джуди очень просила непременно починить забор.

Отец довольно хмыкнул и повернулся ко мне.

– Слыхал? Собирайся, и дуй к дядьке Томашу, поможешь ему!

– Но, па, – попытался возразить я. – Мне же после обеда надо в школу!

Отец довольно заулыбался:

– А ты не ленись, постарайся управиться побыстрее!

Он снова повернулся к Томашу:

– Инструмент у тебя найдётся? А то могу одолжить.

Дядька Томаш махнул рукой.

– Спасибо, Юлий, не надо. Инструменты есть, только пилу надо наточить, как следует. Я давно собирался, да всё некогда было.

– Ничего, Ал её живо наточит. А то и тупой пороботает – ему не привыкать.

К этому моменту я уже искренне ненавидел дядьку Томаша. Вот и делай людям добро – они мигом на шею сядут! Зачем только я помогал ему собирать улиток? Пусть бы валялся себе в поле, никудышный пьянчужка! Ну, ничего! Если станет сильно донимать – сбегу, и всего делов. Небось, с одной ногой не догонит. А к вечеру наверняка наклюкается и даже не вспомнит про меня.

Успокоив себя такими мыслями, я сходил в сарай за напильником, захватил сумку с тетрадками и отправился вслед за дядькой Томашом. Он, хоть и прихрамывал, но шагал бодро. Я догнал его только на улице.

Дядька Томаш искоса взглянул на меня и хитро улыбнулся.

– Что, Ал, злишься на старого пьяницу?

– Нет, – буркнул я, даже не притворяясь, что говорю правду.

– Ничего! Посиди дома с Джуди, передохни. Твой отец совсем тебя заездил. А забор я и сам поправлю. Думаешь я не видел, как ты вчера надрывался с этими корзинами? Твой папаша совесть потерял, вот что я скажу.

Я только рот разинул. Ничего себе! Получается, дядька Томаш решил выручить меня от папаши.

– Спасибо, дядька Томаш! – с чувством сказал я.

– Тебе спасибо, мальчик, – отозвался он, бодро стуча деревяшкой по пыльной дороге. – Люди должны помогать друг другу.

– Расскажи, Ал – чем вы занимаетесь в школе? – спросил меня дядька Томаш.

Мы остановились возле церкви, чтобы дать немного передохнуть его культе.

– Учимся читать и писать. Но пока только палочки. Скоро и до букв доберёмся.

Дядька Томаш покачал головой.

– Всё, как в прежние времена. Я ведь тоже когда-то учился в школе у старого Орелла. И книги читать очень любил. А как закончил учёбу – так больше ни одной книги не прочитал. Не до того стало. На ферме работы всегда много, да ещё мы с Джуди поженились. И ребёночек должен был родиться.

Я не стал спрашивать, что случилось с ребёночком тёти Джуди. И так понятно, зачем тормозить больное место.

– Ладно, идём, Ал! – встрепенулся дядька Томаш. – Страсть как охота выпить холодного компота. А на обед Джуди приготовила такое жаркое – язык проглотишь!

Вот так я и попал в дом тёти Джуди и дядьки Томаша и научился делать глиняные горшки.

К тому времени, как я добрался до дома Лины, еда в животе немного утряслась, и мне полегчало. Я специально погромче хлопнул калиткой, чтобы хозяева слышали, что кто-то пришёл. На крыльцо вышел Петер.

– Здравствуй, Ал! – приветливо сказал он. – Зайди в дом, перекуси. Лина сейчас соберётся.

Я даже застонал. Кажется, сегодня мне грозит помереть от обжорства.

– Спасибо, Петер! Но я вот только поел!

Петер оценивающе глядел на меня и что-то прикидывал. Но, видно, решил пока ни о чём не расспрашивать. Да тут и Лина выбежала. Наверное, увидала меня в окно.

– Привет, Ал! Как хорошо, что ты за мной зашёл!

Два дня назад я не поверил бы, что мне будет приятно это слышать. А вот поди ж ты!

Моя физиономия сама собой расплылась в улыбке. Петер ещё раз внимательно взглянул на меня и немного успокоился. Всё-таки, переживает за дочку.

Лина мимоходом чмокнула отца в щёку, мы попрощались и выбежали за калитку.

Сегодня на Лине было простое белое платье с узором из крохотных лиловых цветов, вышитым по вороту. Волосы она собрала в тугий длинный хвост на затылке.

Не стовариваясь, мы вели себя как хорошие друзья, но не больше. Теперь у нас с Линой было время, так зачем его торопить? Пусть всё идёт, как идёт.

– Чем ты сегодня занимался, Ал? – спросила Лина. – Опять всё утро собирал улиток? Или удрал из дома?

– А вот и нет. Тётя Джуди учила меня делать горшки.

Я рассказал Лине, как дядька Томаш спас меня от папаша. Она звонко хохотала.

– Ты уж, наверное, думал, что не попадёшь сегодня в школу? Сильно разозлился?

– Ещё бы! Я уже прикидывал, как сбежать от Томаша, если всё обернётся худо.

– Ну, тебе не привыкать! А ты быстро бегаешь, Ал? Давай наперегонки до школы!

– Давай!

Мы мчались по жёлтой от пыли дороге. Лина легко вырвалась вперёд, я догонял. Её пятки так и мелькали, широкий подол платья хлестал по крепким икрам, волосы развевались за спиной.

Во мне бушевал азарт. Он захлёстывал меня с головой, словно внезапная волна неосторожного купальщика. В мире не осталось ничего, кроме хриплого дыхания, мелькающих кустов, больно бьющей по ступням жёлтой дороги и неистового стремления догнать. Настичь, схватить на бегу за крепкие плечи, развернуть к себе и...

Нас разделяло не больше пяти шагов. Лина выскочила на поляну, стремительной белой молнией пронеслась по ней и взбежала на крыльцо школы. Прижавшись спиной к двери, раскинула руки:

– Я первая! – задыхаясь, крикнула она. – Я первая!

Я вскочил на крыльцо. Глаза Лины расширились.

– Я гляжу, ты плоховато бегаешь, Ал! – раздался язвительный голос за моей спиной. – Даже девчонку догнать не можешь.

Я обернулся. Стип Брэндон сидел на скамейке и с кривой усмешкой смотрел на нас.

– Зато дерусь хорошо, – отдышавшись, ответил я. – Что тебе нужно, Стип?

– Хочу узнать – долго ты собираешься от нас прятаться? Всё равно ведь поймает!

– Всё ещё злишься из-за книги, Стип?

– При чём тут книга? Ты разбил мне нос. А моего брата толкнул в костёр! И она его обидела!

Стип вскочил со скамейки и ткнул пальцем в Лину.

– Чем это, интересно?

– А то ты не знаешь! Все вы фермеры думаете, что мы хлам, дикари, ничего не стоим!

А мы – Брэндоны!

Он распаялся всё больше. Тут к нам подошла Лина и взяла меня за руку.

– Пойдём в школу, Ал.

Она повернулась к Стипу.

– Передай своему брату, чтобы отстал от меня.

Я старательно выводил палочки. Сегодня Интен задал особые – с полукруглыми крючками на обоих концах. Я почти улёгся на стол, изо всех сил стараясь, чтобы крюпочки выходили одинаковыми. И вдруг краем глаза увидел быстрое движение Стипа и услышал сдавленный вскрик Лины.

Я подскочил, бросив перо. На листе расплылась чернильная клякса.

Лицо Лины побелело, она мелко дрожала и не отрывала взгляд от своей тетради. На листе, покрытом вязью аккуратных палочек, дёргал лапками умирающий мышехвост!

Не раздумывая, я смахнул его на пол. А потом схватил чернильницу и с размаха звезданул по тупо улыбающейся роже Стипа. Он схватился за лицо, залитое чернилами, и рухнул со стула. Раздались испуганные крики, пронзительно взвизгнула девчушка.

Не помня себя от ярости, я перепрыгнул стол и врезал гаду ногой в живот. Потом придавил коленями и вцепился в шею. Стип кряхтел и лягался, пытаясь оторвать от себя мои руки, но я только крепче наваливался на него сверху.

– Ал! – раздалось над ухом. Голос доносился глухо, словно я был под водой. – Ал!

Кто-то тянул меня за плечи, силясь оторвать от Стипа. Напоследок я успел ухватить его за рыжие, слипшиеся от чернил вихры и несколько раз ударить головой о пол. Потом меня завалили на спину.

Я увидел над собой круглое лицо Интена, его вытаращенные глаза.

– Ал! Ал, успокойся! – кричал он, прижимая мои плечи к полу.

– Отпустите, – выдавил я, тяжело дыша. – Отпустите, всё.

Интен внимательно посмотрел на меня и ослабил нажим.

Уже час я сидел в кабинете Интена. Стип так и не пришёл в себя – лежал на полу, запрокинув голову, и даже не стонал. Только дышал, всхлипывая. Интен повернул его набок, пытался привести его в сознание, но ничего не вышло.

Тогда учитель отправил ребят бегом искать доктора Ханса, а мне велел идти в кабинет.

Я сидел спиной к столу, равнодушно разглядывая книги, а на душе было паскудно, как в помойной яме. Ну, какого чёрта в жизни происходит такая дрянь? Что должно твориться внутри человека, чтобы он своими руками убил мышехвоста из злобы?

А если доктор Ханс не сможет помочь Стипу? Получится, что я его убил. Да какое, к чёрту, «получится»? Именно убил.

За спиной что-то тихо, монотонно шуршало. Я не обращал внимания на звук – мне было не до него. Шуршит себе – и пусть шуршит.

Открылась дверь, и вошёл Интен. Я даже не встал, только поднял на него глаза.

– Слава Создателю! – сказал учитель. – Стип пришёл в себя. Доктор Ханс сказал, что у него был обморок от нехватки воздуха и сотрясение мозга. Его уже повезли домой к доктору Хансу – пока полежит там под присмотром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.